

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
ЛЕКЦИИ УЧЕНЫХ МГУ

ФИЛОСОФСКИЕ РАССУЖДЕНИЯ ОБ ИНТЕЛЛЕКТЕ: ИСКУССТВЕННОМ, ОРГАНИЧЕСКОМ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ

ГИРЕНОК
ФЕДОР ИВАНОВИЧ

ФИЛСФАК МГУ

КОНСПЕКТ ПОДГОТОВЛЕН
СТУДЕНТАМИ, НЕ ПРОХОДИЛ
ПРОФ. РЕДАКТУРУ И МОЖЕТ
СОДЕРЖАТЬ ОШИБКИ.
СЛЕДИТЕ ЗА ОБНОВЛЕНИЯМИ
НА [VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

ЕСЛИ ВЫ ОБНАРУЖИЛИ
ОШИБКИ ИЛИ ОПЕЧАТКИ,
ТО СООБЩИТЕ ОБ ЭТОМ,
НАПИСАВ СООБЩЕСТВУ
[VK.COM/TEACHINMSU](https://vk.com/teachinmsu).

БЛАГОДАРИМ ЗА ПОДГОТОВКУ КОНСПЕКТА
СТУДЕНТА ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
КУДБА ВЛАДИСЛАВА НОДАРИЕВИЧА

Содержание

ЛЕКЦИЯ 1. ВВЕДЕНИЕ.....	5
Методология рассуждения об интеллекте	6
Чем страшен алгоритм?	7
«Болезнь» природы.....	9
ЛЕКЦИЯ 2.	11
Аффективная сущность человека	11
Отождествление бытия и ничто	13
Что такое абсурд	14
ЛЕКЦИЯ 3.	18
Несколько ремарок с предыдущей лекции	18
Органический интеллект.....	19
Животный интеллект.....	21
ЛЕКЦИЯ 4.	25
Галлюциноз сознания.....	25
Сингулярная философия	28
Галлюциноз сознания.....	29
Эпоха антропоцена	30
Что такое смысл.....	31
Жизнь и сознание	32
ЛЕКЦИЯ 5.	34
Тайна мышления.....	35
О двойной непрозрачности мышления.....	36
Шаги тавтологий в философии	39
Ускользающая философия.....	40
Антропология как философия	40
Русская интеллигенция	41
Клиповое сознание	42
ЛЕКЦИЯ 6.	45
Аффективные токи в галлюцинозе	45
Два вида сознания.....	46
Расширение реальности	48
Способность желания.....	50
ЛЕКЦИЯ 7.	51

Прояснение способности желания	51
Сингулярность	53
Бессознательное	53
ЛЕКЦИЯ 8.	57
Особенность аффективных токов	57
Раздвоенность человеческого бытия	59
Две субстанции Декарта	61
ЛЕКЦИЯ 9.	63
Реальность и сон	64
ЛЕКЦИЯ 10.	67
Спор между Фуко и Деррида	67
Фигурный синтез Канта и двойственное существование	69
Кризис понятийного мышления	70
Воздействие души на тело	71
ЛЕКЦИЯ 11.	75
Биоэтика и отношение к животным	75
Нужен ли этический кодекс искусственному интеллекту?	77
Что понимается под словом разум?	80

Лекция 1. Введение в проблему сознания и искусственного интеллекта

Мы начинаем курс, заявленный под названием «Философские рассуждения об интеллекте». Если люди делятся на разработчиков и тех, кто пытается это продумать, то я отношусь к последним. Вообще говоря, я не считаю лекцию способом передачи знаний, но скорее охотой за мыслью. Обычно охота – индивидуальное мероприятие, но мы попробуем стать коллективом охотников. Что мы хотим поймать? Мне хочется, чтобы мои лекции изменили ваше представление о *человеке*, о *сознании* и об *интеллекте*. Кроме того, хотелось бы, чтобы у вас возникли представления о **галлюцинозе**, о **сенсориуме** и двух его видах, о **взрыве галлюцинаций** и о **сингулярной** точке зрения на человека и мир.

Если нам удастся, то мы пересмотрим понятие субъекта и субъективности, а также узнаем, что никакого искусственного интеллекта не существует самого по себе. Узнаем также, что **сознание** – это ничто иное как **результат взрыва галлюцинаций**, а мозг и нейронные сети – это всего лишь **продукты эволюции**, и если между мозгом и сознанием и возникают какие-то пересечения, то они скорее *случайны*. Также случайны, как случайно пересечение языка с сознанием.

Мы пока слабо представляем себе отношение сознания и интеллекта. Можно предположить существование своего рода «*ментального пирога*», один слой которого является *символическим*, а другой – *знаковым*, тогда за первое отвечает сознание, а за второе – интеллект. В одном случае может расширяться *сознание*, в другом – *интеллект*. Поскольку нас сегодня беспокоит вопрос об искусственном интеллекте, постольку можно предположить о прогрессивном расширении интеллектуальных возможностей и сужении функций сознания. Иными словами, сегодня сознание оказывается мало кому нужным. Для того, чтобы работать преподавателем, сознание не нужно, тем более для того, чтобы быть студентом. Человек в интеллектуальном плане вообще очень зыбок: у него плохая память, невысокая скорость обработки информации, возможны неадекватные реакции, и т.д. И всё же я считаю, что плохой преподаватель в офлайн лучше машинного интеллекта. Потому что машина действует *по логике мысли*, а человек – *ради мысли*.

Нам также придётся признать, что **общество** – это **акт**, потому что в нём исполняются все наши тайные желания. А какие это желания? Наша тайна состоит в том, что мы все хотим освободить себя от свободы и сознания, чтобы скорее стать социальными алгоритмами. Для чего нам общество? Для того, чтобы мы перестали быть детьми, чтобы перестали взрываться эмоциями и стали социально приемлемыми

личностями. На мой взгляд, это желание точно подметил *Пелевин* в романе «Трансгуманизм». Мысль об искусственном интеллекте рождена нашим нежеланием быть человеком. Враг человека – не искусственный интеллект, не природа и не общество, а сам человек. Сегодня мы впервые усомнились в своём существовании, решив переделать свою природу. Но ведь человеку не обогнать машину, потому что она не думает, и ей не надо тащить за собой сознание. Ибо думать значит грезить, а это явное обременение. Давайте вспомним, что говорил *Есенин* красногривому жеребёнку, который когда-то хотел обогнать поезд?

Неужель он не знает, что живых коней
победила стальная конница.

Но в нашу защиту стоит сказать, что все мы знаем, хотя и не осознаём, что кремний никогда не победит органику, потому что кремний – это песок, а органика – это галлюцинации. Песок никогда не будет грезить, органическое же склонно к показу себе картинок, но эта склонность – болезнь природы. В человеке природа вывернулась наизнанку. В России был *К. Малевич*, и однажды к нему пришли странные ребята Хармс и Введенский. Они склонились перед ним, однако Малевич не растерялся и склонился тоже, а потом сказал им: «Идите и остановите прогресс». Что сказал Малевич? Что прогресс – это призрак времени, его остановить нельзя, и более того, что никакого времени нет, а есть только язык, который убивает настоящее, чтобы дать возможность быть прошлому и будущему.

Методология рассуждения об интеллекте

Теперь стоит сказать несколько слов о методологии рассуждения. Только отвечая на вопрос о том, что есть сознание, мы можем понять, что такое интеллект. Если мы не узнаем, что есть человек сам по себе, то мы никогда ничего не сможем сказать о сознании. За 2,5 тыс. лет существования европейской философии никто так и не поставил вопрос о человеке, за исключением, конечно же, *Канта*, который сказал, что вся суть философии в ответе на этот вопрос. Ницше осмеял Канта за это. Неудивительно, что теперь мы даже не знаем, как узнать что-либо о человеке и сознании.

Мир, в котором мы живём – это мир, который свидетельствует о *смене цивилизаций*. Западная, во главе с Америкой, уходит, а восточная, китайская, приходит. Одновременно с этим закончилось многовековое господство науки. *Технологическое* применение науки погубило эту самую науку. Мы пока ещё плохо осознаём этот факт. А что сделала наука за эти 500 лет, помимо того самого прогресса. Она бездумно заняла место *религии*, но знание, вопреки схоластам, не могло разрушить веру. Но вера была

оттеснена, и в нашей жизни стала зиять **пустота**. И теперь мы заполняем эту пустоту своей культурой, чем угодно. Или же вместо неё появляется **социальное**, которое существует, даже если мы того не хотим. Социальное существует вопреки нашему желанию. Как мы распознаём это всё? Нам стало тесно, трудно жить с себе подобными. Мы пытаемся жить с *себе не подобными*, и нас со всех сторон стало теснить **нечеловеческое**. И мы пытаемся вступить в коммуникацию с ним. Мы искали иной разум где-то за пределами земли, а он оказался рядом с нами: некие умные вещи, алгоритмы, предметом которых являемся мы сами. Настороженность наша вызвана *непониманием* самих себя. А что же скрывает нас от самих себя? **Научное знание**. Давайте вспомним, как в конце 19 века люди с ликованием встретили весть о том, что никакого сознания нет, а есть лишь бессознательное (благодаря *Фрейд*у). А затем наблюдения за бессознательным позволили сделать вывод, что и человека в общем-то нет. Разговор об интеллекте – это следствие недавнего открытия бессознательного и симптом нашего сомнения в нашем существовании.

Если человек – это часть мира, то это такая часть, которую нельзя повторить по законам мира. Нет такой логики, которая позволила бы навести мостик от одного события к другому, от человека – к другой форме жизни. В этом состоит сущность **сингулярной антропологии**.

Чем страшен алгоритм?

Несколько лет назад я прочёл один текст, статью Г. *Киссенджер*а, бывшего помощника президента США по национальной безопасности, который сказал, что мир ещё не готов к философскому обсуждению искусственного интеллекта. Почему же мы не готовы? Потому что образованные люди потеряли всякий интерес к метафизике, отказались от неё, потому что все они страдают нелюбовью к сознанию. А зачем нам философия? Это барьер, плотина, которая нами выстраивается и не позволяет проникать в нас тому, причиной чего мы не являемся. И вот она исчезла, и в наших головах появились мысли, которые существуют не по законам нашей головы, а по законам анонимного другого. Я хочу сказать, что чем лучше общество, тем хуже человек. Почему хуже? Потому что *человек изначально был раздвоен*, и его внешняя жизнь составляла лишь условие того, чтобы была **жизнь внутренняя**. Современное же общество напрочь отказалось от внутренней жизни, предлагая исключительно внешнюю, убивая изначальную двойственность и делая человека *монотонным и односторонним*. Что требуется от человека сегодня? Согласие, позитивное согласие с самим собой и с тем, что он делает.

Что же напугало Киссенджера в сообщениях про искусственный интеллект? Его напугали беспилотные автомобили, потому что если такой автомобиль убьёт человека, то кому можно вменить вину? Программисту, правителю, бюрократу? Не существует правового ответа на этот вопрос. *Аксаков* спрашивал в своё время, что если у человека есть совесть, то зачем вообще нужно право? В абсолютно правовом обществе не нужно многое: мораль, этика, и почти всё *человеческое*. Такое общество требует заполнения его **социальными алгоритмами**. Однако, идея справедливости выше любого права. Кроме того, Киссенджер заметил, что искусственный интеллект не может, подобно человеку, оценивать контекст. *Алгоритм* – это не человек из подполья Достоевского, это математика. Программа AlphaGo сыграла огромное количество партий в го с самой собой, и, совершенствуя алгоритм, стала способна обыгрывать людей в го. Киссенджер сильно испугался этого, но он не знал, что интеллект отличается от сознания. Чем же они отличаются? Сознание странным способом связано с образами, а интеллект – с электрическими импульсами в головном мозге. Проблема здесь состоит в том, что даже образованные люди зачастую полагают, что научное знание – это критерий сознания. Это огромное цивилизационное заблуждение. *Знание* – не критерий сознания в принципе. Сознание не имеет никакого отношения к знанию. У сознания есть два основных свойства:

1. *Изображение*
2. *Воображение*

Более того, в европейской науке знание имеет отношение только к тому, что находится в природе, но не к тому, что есть за её пределами. А там находится **субъективность**, или, как бы сказал *Кант*, **мир ноуменальной свободы** (или любые другие формулировки). Сознание может ставить цели, а интеллект может только решать задачи. Что же есть цель? **Цель** – это *приемлемая* для человека галлюцинация. Обратите внимание вот на что: правила игры в го придумал не компьютер, а человек, который обладает **способностью суждения**, то есть может видеть в единичном не единичное, в конкретном не конкретное, а общее. Искусственный интеллект и вообще интеллект не придумывает правила, он им следует, поэтому он вечный раб человека.

Ещё Киссенджера напугали «потoki мнений большинства», которые хлынули через социальные сети. О чём это говорит? О том, что мыслит не большинство, а жалкое меньшинство, а также о том, что **думать – значит быть одиноким**. А кому хочется быть одиноким? Не может не пугать и скорость смены событий в сегодняшнем мире, которая заставляет нас думать иначе, чем думали греки, которые *созерцали*. Для созерцания нужно *время*. Созерцать сегодня – непозволительная роскошь, поэтому нужно думать быстро, отказываясь способности суждения, тем самым оказываясь в ситуации **клипового сознания**. Клипы заставляют язык сжиматься до невозможности. Кто же

будет задавать правила? Сегодня необходимо заново утвердить некоторые вещи: что жизнь – это не логика, а абсурд, а человек – это неповторимая по законам мира его часть.

Теперь, когда почти изжито несовпадение человека с самим собой, наступает время позитивного человека, алгоритма. Сначала мы сами превращаем себя в социальные алгоритмы, а потом рядом с нами появляется то, что мы именуем искусственным интеллектом. Сегодня нормально быть профессионалом, позитивно одномерным человеком, и напротив, ненормально не совпадать с собой, потому что такого человека нельзя оцифровать. Философия сегодня выворачивает вывернутое, потому что знает, что нормально – быть двойственным, быть пустым (а не глубоким и содержательным), чтобы хотя бы **создать условия для встречи с собой**. Встреча с собой – это необходимо важный момент. Так вот, мы сегодня уничтожаем себя, как Кириллов из «Бесов» *Достоевского*. Но мы не хотим, как он, быть богом, а только избавиться от сознания, потому что оно мучительно, ему противится жизнь, противится тело. Наше тело не создано, чтобы думать. Вместе с тем, сознание – это врата, сквозь которые к нам приходит смерть. Мы боимся сознания, потому что не хотим смерти. Только человек знает смерть. Животные умирают, но у них нет смерти. А мы хотим спрятать, замаскировать своё сознание в интеллекте. Но как может алгоритм избавить нас от необходимости быть собой, то есть быть субъективными?

Задали вопрос о том, почему в России особенно пропала тяга к метафизике? Дело в том, что не мы придумали философию, это был удел западной цивилизации. Философия возникает как **расшифровка видений**, когда начинается **разговор на своём собственном языке**, от своего имени. Платон говорит о том, что просвещение – это вздор, и пока в тебе не заработает твой «внутренний живописец», ничего не произойдёт в философии. В этом смысле, прав был *Сократ*, который называл своё искусство повивальным. С огорчением надо признать, что в России образованные люди не любят философию.

«Болезнь» природы

Поговорим сейчас о болезни природы, то есть **галлюцинации**. Природа видит себя в них как в зеркале, кроме самого зеркала. Галлюцинация не относится к региону сущего. Когда мы смотрим на себя в зеркало, где мы находимся? Мы – перед ним. А кто в зеркале? Оно нас присвоило себе и показывает в качестве того, чем мы не являемся. Так вот галлюцинация и есть такое зеркало, предел существования природы. Это такое несуществование, которое показывает себя в качестве того, что есть.

Когда-то давно греки изобрели слово **φύσις** или **природа**. Это главное изобретение античности, потому что это природа, которой достаточно для того, чтобы создать мир независимо от богов. Но сегодня мы говорим о недостаточности природы для того, чтобы создать жизнь или человека. Нам мало её четырёх стихий, мы хотим добавить пятую стихию – иллюзию (или галлюцинацию). Спросим себя о том, что такое наше Я? Язык на вопрос «кто я?» ответит «ты - преподаватель». Но Я – это не бытие в качестве преподавателя. Общество на вопрос «кто я?» ответит, что вашего Я не существует, потому что общество есть множество поименованных других. Тогда Я – это просто пустое место, дыра, прокол в социуме. Такой же прокол в природе делает галлюцинация. На пределе она оказывается галлюцинацией нашего сознания. Но галлюцинация не есть сознание. А что есть сознание? Послушаем греков. В мифе о царе Иксионе говорится, что олимпийские боги пригласили его к своему столу за скромный и благой образ жизни. После употребления чаши с амброзией он осмелел и начал присматриваться к богам. Он подумал, что боги как люди, и начал засматриваться на жену Зевса. Зевс создал облако галлюцинаций, подобие Геры. Если мы в призраке видим призрак, а не вещь, то призрак исчезает. Но для этого нужно быть в сознании. Если же мы видим в призраке предмет, то он для нас уже реальность, а мы – не в сознании. Чем больше призраков, тем меньше сознания. Иксион не понял, что боги играют с ним, что перед ним не богиня, а призрак. Иксион предался томным утехам с этим призраком, поскольку был пьян, а в итоге на свет появился кентавр – получеловек и полу-животное.

В чём проблема Иксиона? Он потерял веру в богов. Что это значит? Вера – это первый признак сознания. Нет веры – нет сознания. А веру убила наука. Наука даёт знания, которые загораживают меня от самого себя. Так вот, Иксион увидел в богах людей, потерял сознание. Как только узнаются кентаврические образования вокруг, всевозможные полу-, сразу ясно, что теряется сознание. Сегодня мы заняты созданием таких кентавров: *человек-животное, человек-машина, человек-киборг* и т.д. Тому виной Гегель, который стал отождествлять бытие и ничто. Спрашивая себя об отличии искусственного интеллекта и органического, мы не должны забывать, что интеллекта самого по себе не существует.

Лекция 2. Реальности сознания и интеллекта.

Антропогенез

В прошлый раз мы закончили на том, что говорили о болезни природы, о Я как дыре в социуме, а также об Иксиионе. Чему же нас научил этот миф? Чтобы мы были осторожны, когда мы мыслим. Потому что во время мышления мы можем нечаянно отождествить бытие и ничто, то, что есть с тем, чего нет. Именно поэтому животные не мыслят, потому что они осторожны. А что будет, если мы всё-таки произведём это отождествление? Тогда мы потеряем сознание, а призраки останутся, и мы начнём сами создавать кентавры, то есть нечто противоестественное. А в поле этого противоестественного появляется **искусственное**, то есть **техническое**. Естественное пребывает в себе, имеет своё место, а искусственное не имеет своего места, то есть, говоря иначе, одно растёт, другое делается, и то, что сделано, как говорил когда-то Хомяков, должно иметь почтение к тому, что выросло.

Спрашивая себя об отличии искусственного интеллекта и органического, мы не должны забывать, что интеллект не есть сам по себе. Он должен быть встроен в инстинкт, как у животных, или в сознание, как у человека. Чтобы отделить интеллект от инстинкта, нужно разрушить инстинкт. Чтобы отделить интеллект от сознания, нужно разрушить сознание. Что мы потеряем в таком случае? Мы потеряем **хитрость разума**. Я скажу об этом чуть позже.

Аффективная сущность человека

Сущность человека – в аффекте, а не в логике. Причина аффекта кроется в несовпадении человека с самим собой. «*Человеческое, слишком человеческое*», - сказал когда-то Ницше и выдвинул идею **преодоления человека**. Но почему эта мысль бессмысленна, равно как идея вечного возвращения? Если вы признаёте, что человек – это такая часть мира, которая может воспроизводиться законом, то тогда его можно преодолеть. Но всё дело в том, что это человеческое есть часть мира, которая не воспроизводится по законам мира. В таком случае преодоление невозможно. Этот упрёк я адресую трансгуманистам.

А куда мы денем аффекты? **Аффекты** – это нередуцируемая сложность человеческого существования. Нельзя удалить их, не разрушив при этом само человеческое бытие. **Аффект** – это определение человека, *тождественное*, как сказал бы Гегель, *с человеком*. Ж. Делёз настаивал, что аффекты принадлежат природе. Но это не так. Природа не грезит, она деструктивна по отношению к сложностям. Органические существа могут галлюцинировать, но эта возможность запрещена теорией эволюции.

Нам остаётся – беречь аффект как последнюю территорию человеческого. При этом следует исходить из предположения, что жизнь и сознание – это сингулярные события. Быть живым – не значит сознать, но сознать – значит быть живым. Что можно обжить? Пространство. Что нельзя обжить? Время, потому что его нет. **Время** – это свойство сознательной жизни людей. Есть люди – есть время, нет людей – нет времени. А есть **бытие**, которое нельзя мыслить во времени, **вечная протяжённость**. Это знал *Парменид*, а вслед за ним *Кант*. Последний чествовал науку, но он понимал, что наука изучает природу в её пространственном значении. Природа может представить свои предметы в созерцании, но не как вещь-в-себе, а как то, что дано нам в формах нашего действия. Как выглядят предметы сами по себе? Природа даёт нам предметы, которые мы можем созерцать, трогать и т.д. Это совершается именно за счёт того, что она не дана нам такой, какая она есть сама по себе. А что на счёт времени? Мир субъективности (мир свободы) представляет свои предметы такими, какие они есть на самом деле (вещи-в-себе), но представить их в созерцании нельзя. К примеру, добро есть, но его нельзя созерцать.

Дело в том, что предметы, которые показывает нам мир субъективности, предназначены для *внутреннего чувства*. Если природа даёт нам предметы для созерцания внешними чувствами, то для чего нам *внутренние чувства*? Они нужны для воздействия на самого себя во времени. Другого я могу потеснить в пространстве? А как я могу потеснить себя? Только лишь с помощью внутреннего чувства, во времени, с помощью этих вещей-в-себе. Потому предметы природы познаются *как явления*, о них можно строить **знание**. Но наука бессильна перед предметами субъективности. Предметы внутреннего чувства – ноумены, но они опознаются по действию на нас самих. Кант очертил **непреодолимый разрыв** между этими двумя плоскостями. А человек – один. Как же так вышло, что человек одной своей частью познаёт, а другой частью – действует на самого себя во времени. Первая способность – это **интеллект**, а вторая – **сознание**, а между ними – пропасть. В действии сознания рекурсивно связаны *воля, способность желания, аффекты и способность суждения*. В природе нет ничего, что нуждалось бы в сознании. Сознание не может ни прибавить, ни отнять у материи. Нет ничего в обществе, что бы не нуждалось в интеллекте, а нуждалось в сознании.

Сознание действует деструктивно, поскольку разрушает социальное действие. Это отчасти было понятно *Хомякову, Аксакову*. Последний говорил, что если в обществе есть право, то мораль человеку не нужна. Отсюда следует, что аффективные токи разрушают социальные скрепы. Нет ничего во времени, что бы нуждалось в знании. Знание ничего не прибавляет и не отнимает у субъективности. Если бы человек был только телом, то разум был бы ему не нужен. Ему было бы достаточно *рассудка*. **Разум** нужен для того, чтобы быть причиной существования некоей странной реальности внутреннего чувства. Нейронные сети формирует колею жизни организма в природе,

схватывают логику и алгоритмы. Интеллект работает с информацией. А что делает сознание? Оно расширяет реальность.

У человека есть **пустые желания**. Должно быть что-то, что заполнит эту пустоту. Это разум. У *Канта* в «Критике способности суждения» об этом говорится, что человек иногда может хотеть невозможного (сделать бывшее не бывшим). А почему такие желания есть? Эта пустота предоставляет возможность разуму учреждать предметы, и тогда сознание каузально по отношению к объектам внутреннего мира. А человек кладёт себя в основание новой цепочки причин и действий. Науки ничего не могут знать об этих цепочках, поскольку ограничены работой с чувственными вещами, феноменами. Для взаимодействия с символами в искусстве и морали требуется **субъективирующее**, а не объективирующее **мышление**. Только по причине каузальности разума существует искусство и мораль. Объективирующий взгляд учёного взвешивает и измеряет скульптуру, а субъективирующий взгляд созерцателя учреждает красоту произведения.

Сознание – это **нередуцируемая сложность**. Философия отличается от науки тем, что как раз работает с такими сложностями, которые нельзя упростить или вынести за скобки. Можно ли отличить лягушку от камня, если смотреть с точки зрения термодинамики? В таких терминах нельзя отличить живое от неживого. Точно также нельзя отличить сознательное от несознательного в терминах нейронауки. **Сознание** – это **расширение реальности посредством аффекта**. Чувства есть для того, чтобы учреждать предмет. Когда нечто существует? Тогда, когда мы что-то чувствуем, то есть хотим, чтобы оно существовало. Есть ли причина для того, чтобы было добро? Причин для этого нет, но оно всё же существует.

Понимаете, необходимо менять мышление. Надо понимать, что мыслит не мозг и не нейронные сети, а мыслит человек при помощи мозга. Но как это происходит – вот что надо разбирать. Где есть видение – там может быть сознание, где есть электрический импульс – там может быть только интеллект.

Аффект – это один из способов реализации возможности воздействовать на себя во внутренне временном срезе. Аффекту нет места в природе. Само по себе творчество – это амброзия, оно переводит нас из одного режима существования в другой. Когда ребёнок поранил палец, мы пытаемся отвлечь его на что-то постороннее.

Отождествление бытия и ничто

Что касается *Гегеля*, он совершил то, что запрещал *Парменид*, а именно – отождествил бытие и ничто, и на базе этого отождествления возник впоследствии экзистенциализм. *Хайдеггер* также отождествляет их, поскольку он согласен с Гегелем в том, что как о бытии, так и о ничто, ничего нельзя сказать. Но Хайдеггеру нужно, чтобы

из этого странного бытия «вылупилось» определённое сущее. Как Гегель, так и Хайдеггер, занимают одну анти-антропологическую позицию в философии.

С какой философией мы имеем дело сегодня? Это **антропология**. Кант задал вопрос о том, *что есть человек*. Но и он сам занимал такую же анти-антропологическую позицию, поскольку так устроен сам аппарат западного философствования.

Культура и искусство – это две разных вещи, перпендикулярных друг другу. **Искусство** – это творение, учреждение и созидание, а культура – паразит на содержаниях искусства. **Культура** всегда возникает вторым шагом на уровне воспроизведения чего-то, как клетка и норма. Культура, по большому счёту, представляет собой результат открытия *бессознательного*. Наблюдение за бессознательным привело к мысли о том, что человека не существует. Бессознательное формирует социум, культуру. Но есть линия иная – за пределы той техники, которой мы должны овладеть – она связана с творчеством. Человек существует не ради культуры (нормирования), он напротив стремится выйти за пределы этой клетки.

Что такое абсурд

Мы начнём рассуждать об **органическом интеллекте**, но не для того, чтобы понять сознание, ибо таким способом мы ничего в сознании не поймём, а для того, чтобы убедиться: **жизнь – это сингулярное событие**. Интеллект же событием не является, потому что он представляет собой механизм расчёта. А **жизнь – это абсурдный процесс**. Кроме того, мы знаем, что человек силой абсурда создаёт реальность, внутри которой он только и может существовать как человек.

Но тогда возникает вопрос: а что такое **абсурд**? Мы знаем примеры абсурдистской литературы Беккета, Хармса и т.д. Я расскажу вам об абсурде *Тертуллиана*: **верую, ибо абсурдно**. Это было время зачатков христианства. Римляне спрашивали у христиан, как же бог, являющийся инстанцией силы и могущества, мог позволить поймать себя и казнить? У Юпитера в руках гром и молния, и он неуязвим. Здесь стоит вставить ремарку о том, что изобретение *фюсиса* (природы) отправило языческих богов «в отставку», так как природа может сама всё создать. Римляне удивлялись тому, как мог человек умереть, а затем воскреснуть – это невозможно по законам природы. Христиане отвечали им: да, это невозможно, но мы верим. Вы не слышите голос бога, а мы слышим.

Теперь, зная, что такое абсурд, мы ответим на вопрос о том, а был ли вообще **антропогенез**? Ведь человек не может появляться по частям и последовательно. А если

он и появился, то это было поистине абсурдным событием. Когда-то жили человекообразные *палеоантропы*, жизнь которых была неизмеримо тяжела, но они не замечали этой тяжести, ибо в головах у них были галлюцинации, не ясно откуда взявшиеся. Тогда над ними сжалась природа и научила использовать вместо зубов камни. Они смогли научиться, потому что уже умели грезить. Рождение - это встреча с галлюцинацией, и последнее, что видит человек – тоже галлюцинация. По каким-то причинам у этих обезьян развилась способность к подражанию, и они стали обезьянничать, подражать голосам других животных. Так бы они и жили по сей день, но однажды случилось страшное: обмелели реки, вымерли крупные животные и т.д. Погибли бы и эти обезьяны, если бы не одна старая обезьяна, которая смотрела и смотрела на своего близкого сородича, а затем не выдержала его мучений, взяла и съела его. А почему она это сделала? Она впервые почувствовала, что есть смерть. Вместе с этим чувством у неё появилось сознание ужаса, и с этим сознанием она стала ждать свою смерть, а вместе с нею и множество других обезьян погрузились в подобное ожидание. Так обезьяны начали жить во времени, и, хотя чувствовать не значит сознавать, но **сознавать значит всегда чувствовать.**

Нервная система у обезьян была слабой, и отчасти из-за каннибализма у них начался *нервный срыв*, и всё, что для остальных обезьян было нормально, стало для них ненормальным. Они разделились на тех, кто ест и тех, кого едят. Только у одних было сознание. Ели в основном *ненормальных, умников, тех, кто издавал странные звуки*, и т.д. Между обезьянами шла война, пока наконец другие палеоантропы не стали сдавать им своих детей на прокорм. И что только не делали *обезьяны-невротики*, чтобы спастись от своих плотоядных сородичей. И тогда умники начали *прятаться, замечать следы и обмениваться сигналами.* Это продолжалось до того момента, когда у них случилась депривация, то есть первое, а затем и второе слово, и они сказали «мы» и «они», будучи уже людьми. И потом они истребили своих охотников, так что сегодня никто не может найти предка человека. Стоит сказать, что в этом «Абсурдном антропогенезе» использованы мысли нескольких авторов: Поршнева, Бородая и других.

В 1859 году *Дарвин* опубликовал книгу «Происхождение видов». В это время *Фохт*, атеист и друг *Герцена*, ещё не пробудился от научного сна. Вместе с ним мирно спали *Гексли* и *Геккель*, хотя бог наказал им не спать, «ибо истина может прийти во всякое время». Так вот, всех их разбудила **теория эволюции**. Строго говоря, человек перестал быть падшим ангелом только с середины 19 века. В 1863 году Европа поняла, что человек произошёл от обезьяны. Сам Дарвин не особо в это верил, а затем издал ещё две книги, где согласился с тем, что все человеческие качества оказались вредны для выживания в природе, и самое вредное – ум, ибо он разрушал биологическую систему приспособления к среде. Эти качества появились вне связи с естественным отбором. Дарвину казалось убедительным, что есть также и **биоэстетический фактор эволюции.**

К примеру, у петуха нет ума, зато есть красивое оперение. Само по себе оперение бесполезно, но его можно использовать как приманку для самки. То есть умён не петух, а умна природа. Мыслят не нейросети, а мыслят правила или побуждения, сказал бы Кант. Что это значит? Когда мыслят побуждениями, тогда ум может быть замещён умным побуждением природы. Если бы не было замещения ума умными побуждениями, то никогда не возникло бы у человека чувства любви, и т.д.

Ум может быть замещён не только побуждениями природы, но и **социальными практиками**. Дело в том, что если социальные практики умно построены, то никакой личный ум не нужен. Отвлекусь на французов. *Фурье* считал, что нужна грамотная социальная машина, которая будет *производить нужный продукт*. Зачем казнить убийцу, если можно встроить его в работу мясокомбината? Или как скажет Кант: какая разница, глупый человек или нет, если он *делает вид*, что умный. Как мы можем отличить? Разницы никакой нет. Пусть он делает вид, что он умный, пусть даже все делают вид, нам от этого только лучше. Я хочу заметить, что это всё же черта европейской культуры. Нам, напротив, нужно чтобы в человеке было нечто *подлинное, настоящее*. Умный пусть будет действительно умным. Так вот, если социальные практики умно построены, то даже глупые люди смогут встроиться в него с успехом. Всё это к тому, что мы утратили ум как личное, как персональное качество. Оно оказалось ненужным. Нужен кто-то, кто удерживает сознание, и мы стремимся быть в группе около него.

Наскальные рисунки в *пещерах Шове* представляют почву для определённых выводов. Там, помимо прочего, есть изображения животных с восемью ногами. Учёные предположили, что это визуализация *бега*. Но для этого необходимо иметь **чувство времени**. Откуда оно взялось? В этой пещере рождался человек, в той мере, в которой у него появлялась способность к расширению реальности. В наскальной живописи нет изображений мужчин, потому что они не рожают. Изображение рождения и способных к рождению, то есть женщин, также указывает на возникновение и учреждение чувства времени. Достаточно иметь одного художника, чтобы чувство времени появилось у многих.

Коснёмся ответов на вопросы. Скажу на счёт чтения философских текстов. Они не сделают вас умнее, но они создадут некий фильтр, который не будет пропускать внутрь вас некие мысли без вашего на то рассуждения и согласия.

В книге «Введение в сингулярную философию» предложен взгляд на человека как на временное существо, которое не может быть повторено в рамках природных законов. С этой точки зрения, бессмысленно задаваться вопросами о возникновении вселенной и её судьбе. Мы можем жить только в мире расширений, устраиваемых посредством чувств и аффектов. Вне этого расширения, то есть за пределами сознания

человек вечен. Если обратиться к интеллекту, можно проникнуть в мир вечности. Ведь сознание является вратами в смерть.

Человек не совпадает с самим собой. Что это значит? Это самый важный пункт в философии. Если мы совпадём с собой, мы превратимся в вещь. Только не совпадающий с собой может галлюцинировать в попытках соединиться, найти самого себя. Взрыв галлюцинаций устанавливает эту самую нетождественность. Иными словами, это своего рода шизофрения, или творчество, которое было бы невозможным без этого взрыва.

Лекция 3. Признаки сознания

Несколько ремарок с предыдущей лекции

Я уже говорил, к примеру, что лекция – это не способ передавать знание, здесь можно *ловить мысли*.

Вот передо мной «Дао дэ цзин», стих 2. «Когда все в поднебесной *узнают*, что прекрасное является прекрасным, появляется и безобразное. Когда все знают, что доброе является добрым, появляется злое. Поэтому бытие и небытие порождают друг друга. Трудное и лёгкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, предыдущее и последующее следуют друг за другом. Поэтому совершенно мудрый, совершая дела, предпочитает *недеяние*». Как вы думаете, что нам сообщает здесь Лао Цзы? Ключевое слово здесь – **знание**. Но почему Лао Цзы так строг к знанию? Кому мы отдадим предпочтение, доброму или другому доброму человеку? Один из них знает, что он добрый, а другой *не знает, что он добрый*. Скорее всего мы выберем второго, того, кто не знает. От него не будешь ждать пакостей. Горизонт знания опасен, он сохраняет возможность резко *неожиданного*.

Ранее я уже говорил, что знание 500 лет доминирует в европейской культуре и много чего успело разрушить. Прежде всего веру. Я думаю, что сегодня знание и вера – несовместны. Это не значит, что если я работаю на философском факультете, то я непременно строю барьер между собой и верой, но я понимаю, что там, где ты предпочитаешь работать со знанием, там невозможна вера. И помимо истории прогресса, имеется ещё и история печальных воздействий на человека. «Дао дэ цзин» предупреждает нас, что, если мы знаем опасность знания, мы не должны бросаться в действие.

У Бодрийяра в работе «Почему всё ещё не исчезло?». Вдумайтесь в это название. Бодрийяр относится к тем немногим, кто в западной философии двигался в сторону человека. «Поговорим о мире, из которого исчез человек. Это исчезновение – не физический процесс, не природное явление... *Человек – единственный вид, который изобрёл особый способ исчезновения*, не имеющий ничего общего с законами природы». Человек появился, и нигде нет знака этого появления. Пещеры Шове – то место, где человек рождал сам себя, это великая тайна.

Эта раздвоенность, жизнь в мире галлюцинаций, вынудившая человека нанести изображение на стену, возможно, даже является попыткой объективации, попыткой сбросить это бремя несовпадения. Даже сегодня существует так называемая *сказко-*

терапия, когда в приглушённом свете домашнего вечера можно погрузиться в чтение или слушание и отвлечься от невыносимости и боли жизни.

Так вот, человек появился из ниоткуда. Он и исчезнет в никуда. Бодрийяр говорит о том, что сейчас разворачивается цифровая революция:

«Нужно обратить внимание не на цифровую, а на **антропологическую революцию** прямо противоположную нашей современной цифровой революции. Её никогда не брали в расчет (можно даже сказать, что этот вопрос никогда не ставился — разве что в ересях, моментально исчезнувших). Стало понятно неприкосновенное золотое правило **двойственности** в антропологии. Не нужно углубляться в антропологию, чтобы найти этот **корень человеческого бытия**. Он — повсюду; он не только всегда оставляет без ответа вопросы, заданные выше, но и вечно обрекает на неудачу человеческие начинания. (К нему относится все, что основано на синтезе, интегральности и умышленном забвении всех непокорных форм, все, что не обобщается или не примиряется... науки существуют только чтобы примирить непримиримое. Следовательно, человек всегда делает одновременно все, чтобы его проект преуспел, и чтобы он потерпел неудачу.)».

Сколько бы мы не пытались склеить собственное бытие, мы все раздвоены. В «Двойнике» *Достоевского* видна эта перспектива. Теперь обратимся к этой трактовке нормального человеческого бытия. Бытие всегда существует в сопротивлении своей первичной двойственности. Ненормальным является, согласно Бодрийяру, тот, кто живёт в одностороннем и позитивном согласии с тем, что он делает и кем является. Иными словами, это тот, кто нашёл свою «*идентичность*».

«Подчинение, полный досмотр — это совершенно нормализованное бытие. Бесчисленные индивиды, сплотившиеся в реальности для постепенного изживания всех двойственных и неразрешимых качеств...»

Получается, что социум есть средство разрушения изначального человеческого, которое исходно является двойственным. Бодрийяр называет эту попытку изживания *цифровой манипуляцией* с человеком.

Органический интеллект

Я напомним, что в прошлый раз мы начинали разбираться с вопросом об органическом интеллекте. При этом я свёл интеллект к вычислительной или

рассчитывающей его части. Почему это важно? Потому что **жизнь** – это не вычислительный и не логический процесс, а процесс *абсурдный*. Но как можно обжить этот абсурд? Для расчёта живому организму нужно было вытоптать тропу или колею, чтобы по ней можно было умно продвигаться в ней. Иными словами, речь об **инстинкте**. Так вот, интеллект есть нечто встроенное в инстинкт и не имеющее без него никакого смысла.

Я также сослался на *Тертуллиана* с его фразой «*верую, ибо абсурдно*». Это было важно ввиду того, что **верой** учреждается многое из того, что невозможно, чего нет. Вводится представление о разрыве, о молчании. Человек – разумное существо не потому, что говорит, а потому что молчит. Но **молчание** – это не прерывание речи, но язык рождается из этого молчания. *Витгенштейн* в «Логико-философском трактате» завершал свой текст фразой «о чём нельзя говорить – о том следует молчать». Я придаю ей иной смысл: о чём невозможно молчать – о том следует говорить. Молчание – это признак разумного существа.

И наконец, я сказал вам о том, что человек учредил время в мире, где есть только протяжённость и пространственность, и где за её пределы, казалось бы, нельзя выйти.

Есть такой поэт – *О. Мандельштам*. Я позволю себе просто процитировать его стихотворение:

«И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Быть может, прежде губ уже родился шопот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты».

Можно говорить об умно-устроенных **социальных машинах**. Я хочу оторвать ум от персоны. Предположим, в Европе слаженно работают эти социальные механизмы. Всем найдётся своё место в этой машине, чтобы получать для себя некий продукт. А что делать в обществе, где такие механизмы плохо организованы? Там нужен **герой**. *Михайловский* написал книгу «Герой и толпа». **Герой** – это человек, который берёт на себя, разрешает сам существующие социальные разрывы: герой труда, науки, и т.д. В социальной машине присутствует взгляд, нивелирующий все различия. Это всё актанты, однопорядковые объекты.

Кант рассуждал на эту тему, говоря, что натура не важна. Даже если все лишь *делают вид*, все пригодятся социуму. Стать *цивилизованным* означает научиться правильно делать вид. Не быть, а делать вид. Эта манера, которая заключается в игнорировании природы, отразилась на вековой истории цивилизации.

Животный интеллект

Можно предположить, что во многих сферах деятельности ума или сознания человеку и не нужно. Мы ещё не очень понимаем, где и на что они могут сгодиться, хотя мы уже вскользь упомянули искусство. Порой нам достаточно условных рефлексов. Давайте тогда отличим **сигнал** от **знаков**. *Естественных* знаков не бывает. **Знак** вообще – это речевой знак. Он не бывает одиноким. Это всегда минимум два знака, двойка. Павловский звонок для животного – это сигнал, при котором Жучка выделяет слюну, а Полкан скалит пасть, а Шарик вообще не реагирует. Сигнал один, а действия разные. Тем самым подтверждается вывод *Мерло-Понти* о том, что у сигнала самого по себе нет никакого значения. Но нет никакого значения и у знака. А сигнал – это не слово, а вещь среди других вещей. А знак – это речь.

То, что сигнал не есть знак, подтверждают гуси. Они боятся сокола, причём иначе, чем боятся орла. Это два разных сигнала. Чтобы это подтвердить, исследователь стал запускать искусственного сокола, а поскольку гуси ещё ничего не знали о подмене, они реагировали на него как на настоящего. Чем же гуси отличаются от Иксиона, который принял за правду призрак Геры? Между ними нет никакой разницы. У гусей нет никакого сознания, а Иксион его утратил. Но у гусей был **интеллект**, и потому они недолго реагировали на симулякр, поэтому вскоре они стали реагировать на самого исследователя, разбегаясь в случае, если увидят его. Тем самым, гуси превращали муляж сокола в пустой знак. Всё дело в рефлексе, а не в понимании. Чтобы не сработал рефлекс, нужно убрать его спусковую причину. Чтобы убрать причину, нужен **абсурд**, или **ультрапарадоксальная ситуация**. Человек каждый день проходит дважды через абсурд: первый раз – когда *засыпает*, а второй – когда *просыпается*.

Ещё возьмем пример игры в войну между обезьянами. Они берут палки, рычат, скалятся и бегают. Но не палки делают обезьян, ведь сблизившись, они затем отбегают друг от друга. Но если одна обезьяна ударит другую сильнее, чем это принято в игре, тогда начинается настоящий конфликт: обезьяны бросают палки и начинают драться на лапах. Палка – для игры, лапы – для жизни. Палка не вписана в порядок обезьяньего **инстинкта**. Здесь и видна разница: человек берёт палку, потому что от неё больше урона.

Разумность поведения животных пытался доказать *Келер*, помещая обезьян в клетку, перед которой висел банан. Достать его рукой было невозможно. В клетке лежала палка. Обезьяна пыталась притянуть ею банан, а если палки не хватало, она пыталась удлинить палку с помощью другой палки, и т.д. Всё это позволяет говорить о том, что у обезьяны работает **интеллект**. Какой здесь может быть контраргумент? Если вы посадите меня в клетку, я буду действовать точно так же, как обезьяна. Я возьму палку и буду сбивать банан, и т.д. Что же здесь не так? Я буду редуцирован в такой ситуации, здесь не при чём сознание. А что происходит, когда человек играет в шахматы с обезьяной? Идёт та же самая редукция к возможности определённых интеллектуальных действий. Мы убеждаемся, что сознание нужно далеко не всегда. Но не надо при этом говорить о *машинном интеллекте*. Нужно обсуждать иное: что нужно делать с той машиной, которая нужна для счёта, но которая не ставит и не может ставить цели. Надо понять, что это есть некое приложение к твоим действиям. Есть интеллект, встроенный в инстинкт, и там возможна некая хитрость. Интеллект человеческий встроен, а машинный ни во что не встроен.

Чем я отличаюсь от обезьяны из опыта Келера? В этой клетке достаточно интеллекта обезьяны. Почему? Потому что действие с бананом не опосредовано у меня с отношением к самому себе. Что такое *социальное отношение*? Это действие, в котором не требуется это самореферентное отношение. Социум вообще устроен так, что надо совершать в нём социальные действия, то есть те, которые не замыкаются, не завершаются на тебе самом. Тогда появляются качества-функции: официант, влюблённый, и т.д. Мы совершаем редукцию, указываем тем самым на алгоритмизируемую субъективность. Это я пересказываю параграф из «Бытия и ничто» *Сартра*. Твоё действие не замыкается на тебе, и ты спрашиваешь себя: кто я? человек я или официант? Но человеческое действие принципиально отличается тем, что завершается на самом себе.

В алгоритмическом социальном поле нет места для человеческого действия. Вместо меня спокойно может прийти алгоритм, чтобы вести занятие => В социуме не требуется человеческого действия. Можно себе представить, какой **антропологический кризис** происходит сегодня.

Действие **интеллекта** обнаруживается у животных. Это бесспорный факт. Дятел, чтобы раздолбить шишку, делает углубление, куда вставляет шишку для удобства. Но все подобные операции не требуют участия сознания. Это просто работа интеллекта, встроенного в инстинкт. Понятно, что у любого органического существа есть модель поведения, ориентированная на *прошое* поведение. Но ясно также, что интеллектуальное поведение животного определяется не мыслью, не галлюцинацией, а

зрительным *полем в пространстве*. Всё, что выходит за рамки этого поля, животное не может включить в своё действие. Это было бы уже *действие во времени*.

Никто не рождается разумным. Но это не значит, что человек – просто тело. Но это значит, что не природа есть причина разума. Никто не рождается гражданином, но это не значит, что мы – звери. Это значит, что не социум есть причина совместного бытия людей. Никто не рождается верующим, но это не значит, что бога нет. Это означает, что не природа порождает веру.

Итог этого рассуждения: не природа – причина появления человека. Человек сам себя создаёт. И это создание началось в пещерах Шове.

Посвятим некоторое время ответам на заданные вопросы. Человек – это абсолютно не приспособительное существо. Мозг – это продукт эволюции, но не сознание. Требуется **взрыв галлюцинаций, раздвоенное существование**, чтобы было сознание. Против этого противится логика выживания. Каким же образом это парадоксальное существо живёт? Человек не отвечает логике приспособления. На мой взгляд, теория эволюции имеет лишь один единственный смысл, который состоит в том, чтобы наложить запрет на существование галлюцинирующих живых существ. Человек – существо, грезящее не только во сне, но и наяву. Тогда можно поставить под вопрос англосаксонскую линию всевозможных теоретических экспериментов с сознанием.

Человек начинается с **дара**. Внешняя жизнь человека, экономическое существование истощило людей. Раздвоенная жизнь появившегося человека начиналась с наскальной живописи – и это её *внутренняя* сторона, а с *внешней* стороны – она начиналась с раздаривания. Приспосабливается **умно-устроенная органика**, потому ей и не нужно сознание.

Коснёмся веры. Есть некие способы объединения людей. По большей части, нас может объединять **интерес**. Интерес может иметь человек, у которого есть централизованное Я. А что делать, когда Я смещено из центра? Человек из пещеры Шове – это человек без Я. Как объединять людей, у которых нет центра, вокруг которого вращается всё остальное? Это сделать невозможно с позиций интереса, формирующего коллектив. *Хомяков* же, к примеру, говорит о **соборности**, в которой люди пребывают в любви. Как люди с Я могут любить ближнего? Ближний мешает, вставляет палки в колёса, конкурирует, и т.д. Его можно только ненавидеть. Если и любить, то дальнего: человечество и всё тому подобное. С позиции соборности людей может объединить вера. Это чувство, без которого человек не выживет.

Настоящие материалисты, вроде *Маркса* или *Ленина*, возлагали большие чаяния на рабочий класс. Но у рабочих не было сознания – *классового сознания*. И потому

группа интеллигентов или партия должна принести им сознание. Это обернулось жесточайшей историей XX века.

Лекция 4. Галлюциноз сознания

В прошлый раз я говорил вам об **органическом интеллекте**, рассчитывающей части, встроенной в инстинкт животного. Затем мы попытались понять, что может быть ум, а также умно-устроенные практики. Иногда последние могут заменять ум, и у этой замены есть следствия. А также мы говорили об опытах Келера и сделали вывод, что в условиях таких опытов мы бы вели себя так же, как обезьяна. Иными словами, сознание задействуется далеко не всегда.

Стоит также упомянуть *тесты Айера*, которые устанавливают разумность. Беседуя с человеком и компьютером, он не отличает одно от другого, следовательно, компьютер считается за разумное устройство. Согласно *Тьюрингу*, если машина делает то же, что и человек, то значит, что она мыслит. Эксперимент Дж. Сёрла «*китайская комната*» показывает, что сознание не нужно. Сам этот опыт построен так, что не только не доказывает, но и не предполагает наличие сознания в этом обмене иероглифами. Это своего рода алгоритмическое действие. Затем можно сказать о *мельнице Лейбница*. В «Монадологии» он говорит, что даже если техническое устройство по своему строению может симулировать мысли, чувства и восприятия, то мы, покопавшись в нём, сможем найти только его устройство, его части, не имеющие отношения к работе сознания. Что говорит Лейбниц? По работе мозга мы ничего не узнаем о сознании. Это значит, что физики мало для объяснения сознания.

Я прочёл вам стихотворение *Мандельштама*, а также процитировал *Бодрийяра*. Последний сказал нам, что быть человеком значит не совпадать с самим собой, а это значит – *грезить* или *галлюцинировать*. Тогда получается, что, когда тебя принуждают к тому, чтобы найти свою идентичность, изжить этот изначальный изъян, ты перестаёшь быть человеком и становишься социальным алгоритмом.

Галлюциноз сознания

Мы подступаем к сознанию. То, что сегодня происходит в мире, понимает тот, кто понимает, что происходит в философии. Сначала философия отказалась от идеи гуманизма эпохи *Просвещения*. Затем она поставила под вопрос существование *Нового Времени*. Затем подвергла сомнению существование «*христианской Европы*». И совсем недавно – о конце *Осевого времени* (4-5- в.в. до н.э. - когда появились основные культурные материи, способы религиозно-философской деятельности). А почему это происходит? Это результат 500 лет господства науки в сознании человечества. А *технологическое использование науки* «уравняло» цивилизационные шансы

христианства, мусульманства, буддизма, и т.д. Сегодня среди обломков осевого времени, как старые и ненужные вещи, находятся **философия истории, искусство, литература, космизм и пост-космизм**. Перефразируя *Хайдеггера*, можно сказать, что человечество, по-видимому, заблудилось и оказалось в ситуации безнадёжного тупика, пата.

Так чем сегодня занимается философия? Прежде всего, она пытается найти выход из тупика в ответе на вопрос о способе существования *до-осевого* человека. Наряду с этим, она озаботилась вопросом о судьбе *пост-осевого* человека и возможностью скорой *антропологической катастрофы*. Иными словами, современная философия перестала быть онтологией и стала антропологией. Она сводится к ответу на вопрос «что есть человек?». Я попробую картографировать эту местность, чтобы было понятно, как мы оказались в такой ситуации.

Сначала мы отказались от **сущего**. Я напомним, как это происходило. Философия как онтология была создана усилиями *Парменида*. Он отождествил бытие и мысль о бытии. Что мы получили благодаря этому тождеству? Современную науку и атомную бомбу. Что значит мыслить, согласно Пармениду? Это означает мыслить бытие вне времени. А что делают люди? Они делают *глупости*, потому что привыкли *мыслить бытие во времени*. Поэтому, с точки зрения Парменида, человек не мыслит, мыслят лишь боги. В тождестве бытия и мышления встретились *нечеловеческое бытие и нечеловеческая мысль*, но человек ни к тому, ни к другому не имеет никакого отношения. Он был исключён. Вот это тождество определило структуру, строение и способ мышления на долгие 2,5 тысячи лет вперёд. Что это за судьба? Знать, уметь узнавать природу ценой незнания человека. **Незнание себя** есть плата за знание о чём-то. В тождестве Парменида не было такой *трещины, зазора*, в котором могла бы уместиться человеческая мысль.

Первым это понял *Протагор* и объявил, что реально всё то, что нам кажется реальным. Протагор – это один из самых гениальных людей в истории философии. Но самое главное открытие сделал *Аристотель*, который понял, что в парменидовском тождестве нет места сущему, тому, что просто есть => То есть то, что просто есть, не совпадает с мыслью о том, что есть. Мысль о дереве – это не дерево. Бытие одно, а вещей много. Но почему вообще вещи есть? Ведь достаточно одного бытия, чтобы быть. Почему вообще есть нечто, а не ничто? Тождество бытия и мысли означает только то, что бытие даёт существование мысли, а мысль даёт бытию осмысленность. С тех пор философия искала ответ на один вопрос, а именно: **что есть сущее?**

На протяжении 2,5 тысяч лет философия билась над ответом на этот вопрос, пока *Ницше* не дал ответ, что суть сущего – в воле к власти. Тем самым, он завершил историю европейской метафизики. Западную мысль никогда не беспокоил вопрос о том, что есть человек. Более того, ответ Ницше также никак не касается человека. Его *воля к власти*

носит космологическую характеристику. Протагор, отклонивший мысль о тождестве, был презрительно назван софистом, хотя был, как мы понимаем, *антропологом* до антропологии. Но и он не сказал ничего о том, как может мысль что-то знать о существовании вещей.

В свою очередь, у *Платона* мы находим мысль о том, что источник света находится не вне, а в самом человеке. И вот этот источник света интересует современную философию. Тем самым Платон *отклонил* мысль о *внешнем Просвещении*, поместив людей в «*пещеру*», в ожидании того, что свет самовоспламенится в людях. Но он ничего не сказал о том, что делать, если внутренний свет не зажигается. Совсем недавно его поддержал *Кант*, впервые рискуя разделить бытие на две части: на бытие-в-себе и бытие-для-нас, превратив его в *нереальный предикат*. Кант неожиданно для самого себя «открыл» тему человека, ибо ему необходимо было различить разум человека от разума как такового. Но какой ценой? Кант объявил разум «слепым»: он занят только самим собой, обращён на себя.

Проблема корреляции бытия и мысли возникла перед Декартом, ведь он первым до основания разрушил парменидовское тождество. Он объявил сознание некоей мыслящей субстанцией, наряду с субстанцией протяжённой. Он не сказал, что сознание предписано человеку: эта субстанция не требует, чтобы её *причина* находилась в человеке. И поэтому перед Декартом стал вопрос о том, что если мысль никак не связана с бытием, как же отличить сон и явь, ум от безумия? И наконец, что есть человек? Он отмахнулся от этого вопроса.

Вслед за ним *Спиноза* радикально устранил время и человека, оставив одну протяжённость. Вещи оказались без качеств, но с одними аффектами. Его поддержали немцы *Шеллинг* и *Гегель*. Последний в «Феноменологии духа» перенес парменидовское тождество из *настоящего в будущее*, назвав его **абсолютным знанием**. Это то, к чему человечество только должно прийти. Почему это абсолютное знание? К нему имеет отношение мировой дух, а не человек. В свою очередь, *Гуссерль* делает то же самое. Только он переносит это тождество не в будущее, а в прошлое, назвав его **феноменом**. Гегель ради знания пожертвовал очевидным, Гуссерль ради очевидности пожертвовал знанием. Между ними остался *Хайдеггер*. С одной стороны, он говорил, что бытие «выше человечества», а с другой – признавал, что бытие, конечно, производно от существования человека. Что сделал Хайдеггер? Нарушил запрет Парменида и стал мыслить бытие во времени. Если мы выбираем *время*, то теряем существование. Если, напротив, выбираем *протяжённость*, как это сделал *Делёз*, то теряем понимание человеческого в человеке.

Кто выбирает *очевидное*, тот должен попрощаться с Абсолютом, а кто выбирает *абсолютное*, тот должен пожертвовать субъективностью. Таково содержание идей в философии Осеевого времени. Что же было до Осеевого времени и что будет после?

Сингулярная философия

Сингулярность в философии означает, помимо прочего, **единичность**. В физике же сингулярность обозначает точку, о которой ничего сказать нельзя. Это точка, в которой бесконечная плотность, а наука не работает с бесконечностями. Так вот, философия, которая попыталась помыслить до-осевого человека из пещеры Шове. Есть два подхода к пониманию человека:

1. **Редукционизм**, который предполагает «вскрытие» мозга, разбор его составляющих. Предполагается, что это даст возможность увидеть, как получается сознание. Нет, это останется неизвестным, какие бы срезы вы не сделали, потому что для этого требуется наскальная живопись Шове.
2. **Сингулярная философия** пытается помыслить человека до-осевого и пост-осевого в условиях современности. Сингулярность – это одна единственная точка в бесконечности, в которой мир не может отличить себя от галлюцинации.

До-осевому человеку предшествовал **взрыв галлюцинаций**. Вначале они накапливались. Галлюцинация – это ведь то, что может быть только в данный момент и не может быть в следующий. Следовательно, нужно много усилий, чтобы она присутствовала во времени. Что оставил после себя взрыв галлюцинаций? Наскальную живопись и **человеческий сенсориум** – воображаемое, соединённое с органами чувств, но ещё не соединённое с языком. Или есть язык, не связанный с воображением, либо случайное соединённый с ним. При этом, человеческий сенсориум обеспечивает отношение к самому себе, этот рефлекс, этот поворот. Человек реализует себя через удвоенное существование, а нечеловеческий сенсориум обеспечивает связь с вещами и избегает этого удвоения.

О чём говорят образы в пещере Ласка? Об отсутствии языка, вернее об отсутствии «говорящей головы». Можно выделить два подобных состояния:

- 1) *самоаффлектирующая самость* (дети)
- 2) *говорящее Я* (взрослые)

Между этими состояниями происходит транзит, переход от одного к другому. В какой же момент мы раздвоились? Когда мы стали нетождественными, когда появился **неустрашимый разрыв**. Этот разрыв – это и есть некая причина для грёзы или галлюцинации. Отношение к себе нуждается в *особом сенсориуме*.

Галлюциноз сознания

Есть две поворотные вещи. Первая из них – *отношение к вещам*. Вторая – *отношение к самому себе*. Отношение к вещам вне связи с отношением к себе есть принадлежность к **миру сущего**. А любое человеческое действие замыкается всегда на отношении к себе, имеющем разрыв. Бодрийяр пытался сказать нам, что, будучи тождественны себе, мы уже не являемся людьми. Отношение к себе требует времени. А что нам даёт время? **Галлюцинацию**. Время это такая вещь, которая может быть только внутренней, оно не нужно вселенной. Чтобы быть во времени, человеку нужно грезить. Чем меньше мы галлюцинируем, тем больше мы растворены в мире знаковой культуры и тем меньше связи остаётся у нас с символическим слоем. Тем меньше мы умеем считывать этот слой и общаться с ним. **Галлюциноз** есть непереносимое сопровождение жизни человека, начиная с пещеры Шове.

Что означает принадлежность к галлюционному сенсориуму? Это означает, что человек всегда больше, чем один. И речь совсем не о социальном. Галлюциноз позволяет нам быть больше, чем мы есть. Должно быть некое «*трение*» между людьми, благодаря которому может воспламениться внутренний свет, о котором говорил Платон. В рамках грёзы заканчивается действие законов природы и начинается сознание. Мысль – это не вещь, а чувство, рождаемое в нас под влиянием галлюциноза сознания. Мысль не существует сама по себе. С чего начинается внутренняя жизнь человека? С подчинения себя своим внутренним грёзам.

Как нужно в таком случае понимать субъективность? Это не то, что принадлежит субъекту. **Субъективность** – это то, чему принадлежит человек. До-осевой человек создаёт *аффективный сенсориум*, который позволяет человеку совершать действия во времени или в симуляции. Иными словами, человек начинает галлюцинировать. Действовать во времени – значит отложить, не замечать, задерживать, переносить и т.д. И это не деталь, а существо дела: открытое **пространство внутренней жизни**. Этот набор аффектов позволяет человеку передвигаться во времени, от состояния к состоянию, а не от вещи к вещи в пространстве.

Природа не грезит. Животные не видят снов, у них также нет смерти. А человек видит сны, значит учреждает время. Но время – это ещё не история. У истории есть начало и конец. История связывает концы, а время рассеивает. Сенсориум имеет дело с видимостями (с тем, чего нет), но показывает себя в том, что есть. Это и есть человеческий мир. До-осевой человек в пещере Шове изобретает сознание. Пост-осевой человек, то есть мы с вами, отказываемся от него. Но сознание не приурочено к дискретно выделенному телу. Сознание является привилегией немногих. У всех есть мозг, но это не гарантирует наличие и нужность сознания.

Сознание есть способ расширения реальности посредством воображаемого. С чего оно начинается? С *чувства* самого себя. Чувство только и совершает превращение того, чего нет, в то, что есть, и наоборот. В **мире сознания** всегда есть такая сторона, в которой некоторые вещи существуют только потому, что к ним *относятся* как к тому, что есть. Что такое добро? Какие у него причины? Человек, используя свои чувства, научился быть причиной реальности.

Итак, чем отличается пост-осевое время от до-осевого? **Пост-осевое время** начинается со схлопывания внешнего и внутреннего в числе. Обращение к цифре является способом закрытия отношения человека к самому себе. Дигитальная философия говорит потому: мы не знаем и не будем знать, что есть человек. В мире числовых отношений нет ни внешнего, ни внутреннего, то есть раздвоения, которое произошло в пещере Шове. В цифровом мире не нужна органика, которая грезит. Для прекращения разрушительной эпохи антропоцена, человеку необходимо научиться сохранять аффективный сенсориум сознания для того, чтобы обменивать своё сознание на интеллект.

Эпоха антропоцена

Понятие **антропоцена** связан с современной философией, которая стремится распростаться с человеческой уникальностью, воспевая межвидовое равенство. Эпоха антропоцена началась в головах *новых рационалистов и спекулятивных материалистов,* среди которых мы найдём *Де Кастру, Латура, Дескола, Симондона, Харроуэй, Хармана* и т.д. Они все так или иначе вдохновлены делезианской философией. В чём суть онтологии Делёза? В ней время расщепляется на фрагменты, которые растворяются в пространстве, поглощено пространственными схемами. Для Делёза время – ничто. Превращение человека в **геологическую силу,** помещаемую в *ноосферу.* Тем самым отклоняется мысль *Бергсона* о тождестве жизни и сознания. Но планетарная техника, которую мы создали, по-прежнему остаётся в биосфере, разрушая её. Остаётся два варианта: либо человек отказывается от планетарной техники, либо человек отказывается от человека посредством числовых отношений.

В чём суть идеи антропоцена? В том, чтобы скрыть причину превращения человека в геологическую силу. Эта причина, как я считаю, коренится в особенностях всей западной философии как таковой. Я говорил вам ранее о *тождестве бытия и мысли,* введённом Парменидом. В этом тождестве и содержится горизонт появления науки и особого философского способа мышления, тянущегося до сих пор. Необходимо, чтобы Запад ушёл со сцены мировой философии и забрал с собой онтологию вместе с философией истории.

Чем отличается галлюциноз сознания китайского крестьянина от галлюциноза сознания грека? Доминированием внутренней жизни над внешней. Я поведаю вам притчу, которая нравилась В. Гейзенбергу и которую не понимал М. Маклюэн. Цзи Гун посмотрел на крестьянина и увидел, что тот тратит много времени на полив растений при малой пользе от этого. Он предложил крестьянину водочерпалку, сооружение, чтобы малыми силами достигнуть большего эффекта. Крестьянин ответил ему, что не применяет машину не потому, что не знает, что она позволяет делать, но что стыдится её применять. Крестьянин поведал то, что услышал от учителя. Тот, кто применяет машину, ведёт дела механически. У того, кто живёт механически, сердце тоже становится механическим, и он утрачивает пустоту. Лишившийся пустоты, не утвердился в жизни разума, а значит его не станет поддерживать великий путь Дао, и у него прекратится внутренняя жизнь. Поэтому надо понимать, что суть дела – не в антропоцене, а в галлюцинозе разумной жизни.

Антропоцен связан с техническим прогрессом внешней жизни. Во внутренней жизни есть смыслы, но нет прогресса.

Что такое смысл

Должно быть уже некоторое предпонимание того, что происходит во времени. Нам нужно, чтобы некие наши операции во времени были собраны в один образ, который придаёт некую **объектность** внутреннему действию. Иными словами, сознание рождает смыслы. Ты пришёл в театр и понял, что такое театр не из-за происходящего на сцене, а из того, что ты «нарисовал», как живописец. Происходящее в театре не имеет никакого смысла без **инстанции воспринимающего**, без чтения, вслушивания и т.д. В этом акте понимающего действия, завершающегося в смысле, совершается чудо сознания.

Господство планетарной техники ещё не завершено. Де Кастру говорит, что сама идея иметь философию истории делает нашу цивилизацию слепой, потому что философия истории позволяет времени доминировать над пространством. А это, в свою очередь, «закрывает земные рубежи», то есть Де Кастру отклоняет мысль о неотличимости человеческого от нечеловеческого. Тем самым, Де Кастру или, к примеру, *Негарестани* сваливают вину за разрушение природы на Гегеля, в том, что он говорил о времени как об «истине пространства», ссылаясь на схематизмы времени у Канта. Философы Запада не нашли источник, дающий человеку время. Де Кастру цитирует Латура:

«Кажется, что всё произошло так, как будто ориентация во времени была настолько мощной, что лишала всякой возможности найти дорогу в пространстве.

Именно этот глубокий переход от судьбы, основанной на истории, к исследованию о том, что, в отсутствии лучшего термина, можно было бы назвать географией, объясняет устаревший характер любой философии истории».

Если время заменяется географией, то нет смысла. С позиции трансгуманистов, время застывает нам картину того, что на земле всё уживается со всем, истина жизни – в симбиозе, и лучше проложить тропинки в пространстве, чем дорогу во времени. Это означает, что антропоцен – это галлюцинация западного сознания, породившего планетарную технику. **Пространственный поворот мысли** совершил *Делёз*. Но ещё до него в России был *Циолковский*.

Нищета современной философии начинается с веры в компост. «Я верю в компост, а не в пост-человечность», - говорит *Харроуэй*. Если закончилось Осевое время и нам угрожает цифровое общество, надо иметь смелость оставаться людьми. Это значит грезить, вопреки дигитальной философии, не совпадать с собой, иметь внутреннюю жизнь => Человек не может не воображать, если он мыслит. Он непрерывно расширяет реальность посредством мнимостей для того, чтобы быть собой.

Жизнь и сознание

Напомню вам формулу, согласно которой жить не обязательно значит сознавать, но сознавать значит непременно жить. Я ни в какой мере не принимаю посылку западной философии о том, что жизнь приравнивается к сознанию. Это абсолютно разные вещи. **Жизнь в духе** – это посылка о том, что нужно жить, чтобы сознавать, а не наоборот. Потому что, если я принимаю другой тезис, то я начинаю строить предположения о том, что можно, к примеру, перенести сознание на физический носитель, и тому подобное.

Я должен уточнить то, что сказал вам ранее. Ведь дело в том, что бытие, тождественное мысли о бытии – это и есть галлюцинация. Что сделал *Кант*, когда осмелился заявить, что корень рассудка и чувственности – в *воображаемом*? У него появилась даже концепция **продуктивного воображения априори**. Кант, будучи противником тождества, стал первопроходцем этого разделения мира на две области: в-себе и для-себя. Какую задачу он решал? Он хотел обеспечить получение знания при сохранении субъективности. Как выстраивается процесс познания? Вслепую. Сначала навешиваются предикаты, а затем уже проводится некая сверка с опытом. Кант тем самым обозначил **возможность думать**. Вещь-в-себе появляется именно в связи с этой возможностью. Во «Введении в логику» Кант задаёт вопрос о человеке. Там он вводит понимание философии не в качестве науки о бытии или природе, но в качестве науки о внутренних принципах выбора между разными целями.

Последние цели отсылают к самому человеку, ибо он сам есть своя цель. Кантовские идеи произвели великий скандал в философии.

Философские рассуждения о **галлюцинации** предполагает представление о ней как о болезни природы, то есть о том, чего не существует. Физик говорит нам о вселенной, точнее о том, как из одной сжатой частицы образовался весь космос, но всего этого объяснения будет недостаточно для того, чтобы объяснить возникновение в нём галлюцинации. Следовательно, учёный полагает изначальное и фундаментальное единство вселенной, в то время как галлюцинация – это изначальный разрыв.

Лекция 5. О философии вообще

Сегодня мы немного скорректируем траекторию нашего обсуждения. Я продолжу предыдущую тему на следующей лекции. А сегодня мы немного порассуждаем о **философии**. Это будет некое отступление, которое несёт дополнительный и разъясняющий характер по отношению к нашему курсу, поскольку я выстраиваю весь свой разговор из определённых понятий, которые не являются произвольными.

Итак, что же такое **философия** и чем она занимается? Философия – это то, при помощи чего меньшинство отделяет себя от большинства => Философия есть граница между большинством и меньшинством. Как устанавливается эта граница? Пример: мы смотрим на чашку, а что видит философ? *Чашечность*. Для этого недостаточно просто иметь глаза. Нужно также иметь ум. Как только исчезает различие между большинством и меньшинством, исчезает сама философия. Её придумали умные люди, *не принадлежавшие к большинству*. У них не было своего места в мире, да и вообще умные люди – это всегда *неуместные, лишние люди*. Философ – это прежде всего эмигрант, некто откуда-то со стороны. Он всегда приезжает откуда-то, например, из малой Азии в Грецию, как *Анаксагор*. Для греков солнце – это бог, для него – камень. Понятно, что греки прогнали его из Афин, и он умер. Философ не должен быть *ни к чему привязан*. Его отношение ко всему – *скептическое*. Его не устраивают ни местные боги, ни власть, ни традиция. **Философия** – это всегда взгляд другого, взгляд о стороны. В этом взгляде философа нет никакого сочувствия к людям, но лишь только **любопытство**.

Философ, кроме того, всегда эстет, метафизик, а она всегда является потусторонним взглядом на привычное и близкое. *Сократ*, ученик Анаксагора, хотя и был из местных, но вёл себя как посторонний, как чужестранец. За высокомерное поведение в уде его убили. Философ достоин быть убитым.

Не женское это дело – заниматься философией, потому что она рождается в обожающем взгляде одного мужчины на другого. То, что чувствует философ, растворяется в мире видимого, тогда как у остальных, наоборот, видимый мир растворяется в переживании. В момент рождения философии в обожающем взгляде женщины на женщину начинается деградация философии, и мужчина, как Ориген, должен «оскопить себя». В обожающем взгляде мужчины на женщину не рождается философия, но рождаются дети. Во взгляде женщины на женщину рождается не более чем техника. Но овладеть техникой – не значит совершить поступок. **Поступать** – означает класть самого себя в начало цепочки действий в качестве причины. Только маргиналы могут представлять философию как *личностный акт, поступок*, ибо только они могут входить в конфликт с традицией, делать себя отправной точкой. Если философия – это

поступок, то философ – это не профессор в очках, а *киник* или *юродивый*. Это значит, что в пространстве философии пульсирует **асоциальная энергия**, заставляющая философа выходить за пределы, преступать нормы, то есть быть девиантным элементом. **Философия** – это по сути социально приемлемый вид юродства. *Антисифен* замечал по этому поводу, что лучше быть животным, нежели человеком, варваром, нежели эллином.

Сегодня философы – это актуальные художники, акционисты. Но перформанс – это не поступок, у которого есть следствие, но скорее эпатаж, своего рода пощёчина общественному вкусу. Это значит, что сегодня философы существуют, как это ни странно, за пределами философии. Тем самым, мы имеем **двойной разрыв**: в виде философии без философов, и философов без философии.

Традиционно философ понимается не как *киник*, а как *платоник*. Последний является мыслителем, потому что мышление происходит главным образом в философии. **Мыслитель** – это человек, который вводит ненаблюдаемые сущности для того, чтобы объяснить наблюдаемое и ответить на вопрос, почему это происходит так, а не иначе. Например, мы хотим понять, почему люди тоскуют. Мы можем пойти к учёным, но учёные непременно расскажут нам что-то о структурах мозга, но этот рассказ мы не можем сделать *фактом своей сознательной жизни*. Учёный не мыслит, но *испытывает природу*. Тогда мы пойдём к философу. Философ же мыслит, он скажет, что всё дело в добре и зле. Добро *субстанциально*, а зло *функционально*, то есть добро может существовать без зла, а не наоборот. Это значит, что нельзя определить между ними ясную границу, и выбрасывая одно, мы вместе с тем выбрасываем и второе. Об этом добре и токует человек. И этот философский рассказ будто не о чём, безо всякой информативности. Он расширяет наше сознание. Хотя мы так и не узнаем ни того, то есть добро, ни того, то есть зло, но мы расширили наше сознание.

Мышление – это по сути логически упорядоченные грёзы или путешествие в воображаемое (то есть в то, что может оказаться истиной).

Тайна мышления

Эта тайна не выговаривается в речи. Она принуждает нас к речи, но сама речью не является. Мы говорим о *немыслимом*, что не является мыслью, но позволяет нам мыслить. Что же в мышлении есть такого, что не выговаривается в нём? Может быть тайна мышления - в восприятии? Иногда полагают, что воспринимать - значит замечать присутствующее. Но заметить присутствие - ещё не значит мыслить. В противном случае, баран, заметивший стог сена, оказался бы мыслителем. Может быть воспринимать значит изъять себя из состава наличного, из порядка того, что не скрывает

своего присутствия. В нашем Я отражается весь мир, но в этом мире нет Я. В нём всегда есть некий *изъян, дыра*. Мы воспринимаем не потому, что нечто присутствует, а благодаря тому, что нечто *изъято* из мира. И это восприятие будет *понимающим*.

Конечно, мы можем воспринимать и то, что отсутствует. Например, мы не видим своего друга в кафе, но его отсутствие не есть дыра в мировом порядке, ведь он присутствует в другом месте. Что же изымает себя из состава бытия, чтобы воспринять его в качестве присутствующего? Изымает себя наше Я. Я - это **изъятие** себя из того, что присутствует. Изъятие является **грёзой**. Грезящий человек не является вещью в мире среди других вещей, или, что то же самое - мышление и бытие суть не одно и то же.

Мыслить - значит изымать себя из состава сущего. Изъятие Я позволяет миру открыться и предстать для восприятия. Грёзы же дают нам возможность мыслить то есть то, что они уже имеют в себе. Грёзы не создаются нами, они приходят к нам, не основываясь на представлениях о вещах. Они дают нам то, чего нет в мире. Движение к предметности начинается с *беспредметной грёзы*, которая, овладев телом, впервые являет себя миру **самоаффектацией**. Ребёнок является самоаффектирующим существом. В самоаффектации я не говорю, что пришла весна, а я улыбаюсь, ибо я беспричинно рад, я радуюсь радости. Моя радость имеет причину во мне, но чувство радости не перестаёт быть чувством, хотя оно и связано с тем, что пришла весна. Это чувство не подлежит проверке в терминах истины и лжи. И только в момент, когда я понимаю, что весна пришла не потому, что я рад и не для того, чтобы обрадовать меня, я начинаю мыслить, то есть полагать содержание радости, а содержание радости - факт, что пришла весна. И я полагаю этот факт в качестве объекта, от радости не зависящих. И теперь радость и весна - это будут два разных события. “Пришла весна” - это уже предметное суждение, подлежащее верификации.

Тайна мышления, которая коренится в грёзах, связана в русской философии с теорией “*сердечного человека*”. Суть этой теории *Киреевский* формулирует так: что есть в сознании и чего нет в чувстве - то есть ложь данного человека => Мышление только тогда становится точным, когда в нём совпадают чувства и сознание.

О двойной непрозрачности мышления

Философское мышление обладает **двойной непрозрачностью**. Оно непонятно большинству. А после того, как оно стало понятно большинству, оно перестаёт быть понятным философу, ибо его мысли куда-то улечиваются, а остаются слова, которые ничего не говорят о мысли, и поэтому все упования современных философов на то, что

их непонимание может оказаться светоносным и плодотворным. А то, что мы привыкли называть пониманием - это лишь привычка говорить на анонимном языке Другого.

Если **философия** - это пространство свободного мышления, путешествие в мир ненаблюдаемых сущностей, то **философ** - это метафизик, то есть человек, который утратил связи с повседневностью. Философия как метафизика никого лично не касается, и поэтому она подлежит забвению. Чтобы не попасть в список того, что забывается, философия должна отречься от метафизики, а философ должен объявить себя анти-метафизиком, то есть тем, кто хочет вернуть сознание в мир обжитого и наличного. Для этого ему нужно объясниться со здравым смыслом. Но если философия перестаёт быть метафизикой, то её остаётся понимать в качестве утешения, а философа как утешителя, который практикует субъективирующее мышление. Он переводит униженных и оскорблённых в другое состояние, в котором они забывают, что они унижены и оскорблены. Люди как дети, а философ - это взрослый, который отвлекает детей от боли. Тем самым, философия становится коллективной психотерапией.

Философия - это цветок, из недр которого выползает философ-шмель. Оказывается, что философия не столько утешает, сколько больно жалит. Она припекает и обжигает, не даёт спуска никому. В философии есть что-то садистское и мазохистское. Поэтому философов не любят. Ему пристало жить без дома, без общины, без отечества. Социум преследует философа, философ отвечает миру взаимностью. Он не любит людей и особенно не любит политиков. **Философия** - это способ, которым маргинал, одиночка, аутист и шизофреник мстит социуму. Протагор расшатывал социум своей софистикой, а социум сжигал его книги и прогонял его. Поскольку социум - это массы, связанные языком, постольку философия расшатывает язык, распыляет смыслы и значения слов. В результате слабеют социальные цепи, ослабляется власть политиков. Если не расшатать вяжущие цепи языка, то нельзя освободить своё сознание. Без сознания люди - это просто социальные куклы.

Если язык укрепляет социальные связи, то сознание подрывает их, обнаруживая зыбкость человеческого существования. Философия расплавляет смыслы в безнадёжной попытке извлечь новые смыслы, затрудняющие превращение человека в марионетку.

Философ не любит рассуждать *о языке* своей философии. Он не интересуется познанием познания. Философ, как говорили в античности, дельфийский ныряльщик, которому нужно достать со дна жемчужины смысла, а не наблюдать за рефлексивной рябью поверхности мысли. Как ни странно, философия, будучи любовью к мудрости, не любит ум, потому что ум нужен всегда Другому. Он выращивает в нас ум, чтобы сделать нас послушными. А философия не хочет послушания, она помогает нам сделать всё так, чтобы в нас ничто не проникало без нашего на то согласия. Она даёт нам ту меру безумия,

которая позволяет нам оставаться такими, какие мы есть. А мы всегда уже есть такие, какими мы ещё *только хотим стать*.

Ум сопряжён с политикой, с выстраиванием *пространства послушания и повиновения*. Политики используют ум, чтобы задним числом оправдать те глупости, которые они совершают. Философия приучает нас пребывать вне горизонта послушания. Помимо политиков, потребность в уме испытывают преподаватели философии. Любой преподаватель - это уже политик, ибо он нуждается в послушниках. Его философия - учебники по философии. Учебники - это единственное, что не может ужалить и одновременно то, что нельзя расшатать, то есть нельзя *“офилософить”*.

В любом современном философском тексте можно найти следы другого текста, а это значит, что тождественность текста самому себе не гарантирована авторской подписью. Сен-Симон, присваивая тексты Конта, не разрабатывал стратегии апроприации, а Гегель, которого Шеллинг подозревал в подражании своему стилю, не имел склонности к применению техники палимпсеста. Что бы Гегель ни писал, через его тексты проступал не Шеллинг, а Гегель, ровно как в текстах Маркса проступал не Фейербах, а Маркс. Современный **философский текст** - это лоскутное одеяло, сотканное из лоскутов. В нём есть неотмеченные *цитаты, пересказы, референции, аллюзии и отмеченные цитаты*. Плагиат выступает сегодня в благородной форме пародии и в стиле пастиша как подражание мастеру. Ирония покровительствует откровенной эксплуатации ранее найденных в философии схем мысли. В ней под видом отрицания существует утверждение. И наоборот, какой бы текст философ ни написал, в нём обязательно проступят уже известные фразы. Например, “бытие определяет сознание”.

Философия - это, конечно, не история философии. Всякая философия умирает, если она перестаёт плести вяжущие связи между тавтологиями и парадоксами своими метафорами и абсурдом. А это значит, что сегодня философы не мыслят сами, но могут только переживать заново те мысли, которые уже были когда-то помыслены. А поскольку философские мысли не валяются на дороге, их надо как-то находить, то есть реконструировать, а это уже дело эксперта. Современная философия - это экспертиза, которая является по своему существу чем-то бесполом. Если философия - это экспертиза, то она уже не может быть личностным актом и поступком. Эксперт не может положить себя в основание ряда явлений, так как ему нужны ещё одни основания, которые ведут к *дурной бесконечности*. Философия эксперта - это философия без поступка, что есть просто болтовня или языковое неистовство. Это отношение к объектам, не опосредованное отношением к самому себе. Эксперт даже не мыслитель, ибо он *глух к шагам тавтологии* в пространстве мысли.

Шаги тавтологий в философии

Философия - это *имена*, а каждое имя есть сжатая пружина смысла. Философия есть ритм, и нет проблемы начала в философии. Философ потому может начать с чего угодно, но его язык будет при этом непременно тавтологическим, то есть пустым. Например, прекрасное, согласно *Платону*, прекрасно благодаря прекрасному. Это полная и плодотворная пустота квадрата *Малевича*. В любой философии слышны шаги тавтологии. Они проявляются, например, в определении субстанции. «Под субстанцией, – говорит *Спиноза*, – я разумею то, что существует само в себе и представляет само через себя, то есть то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться». Так возникает философский дадаизм.

Тавтологии очаровывают. В них есть дробь барабана, монотонный повтор и невозможность найти аналог повторяемому. «Я» – это всегда «я», и найти замену «я» невозможно. Но не всякая тавтология является философской. Если я говорю, что дом – это дом и больше ничего, то я лукавлю, ибо в доме может быть гостиница, столовая, пристройка. Если я говорю о добре, то я имею в виду, что добро – это добро, и больше ничего в нем нет. Для всякого дома найдется причина. А для добра нет причины. Повторение того, что имеет причину, является скучным и неплототворным. Высказывание «дом – это дом» не есть философская тавтология. Повторение же того, что не имеет причину, является плодотворным, ибо оно требует усилий. Например, усилие мысли нуждается в пространстве пустых слов.

У каждой философии есть своя мелодия. **Мелодия** — это ключевая метафора. Философия без метафоры — это как корова без вымени, без молока. В ней смысла нет. Метафора — исток, образ, то, откуда берет свое начало мышление. Чтобы появилась метафора в языке, нужны *пустые слова*. Философия обожает пустые слова. Например, «бытие» — пустое слово, «я» — пустое слово. Благодаря этой пустоте можно сказать: я — дом, я — солнце, я — зверь, потому что я — ничто из того, что есть.

В философии, как в музыке, есть свой контрапункт. Этот контрапункт задается *обменом негативности*. Например, радость — это не горе, а горе — это не радость. Радость возвышает, горе низвергает. Но иногда антонимы вступают в позитивный обмен смыслами. Например, ты ждешь повышения по службе, а все места заняты, и вот умирает твой друг, место для тебя освобождается. Между радостью и горем происходит обмен смыслами. И ты испытываешь горькую радость. Так ты узнаешь о существовании абсурда.

Каждая философия несет в себе свой **абсурд**, благодаря которому освобождается *неязыковое в языке*. И истина оказывается не истиной, а ложью, равно как заблуждение оказывается не заблуждением, а истиной. Благодаря философии мы узнаем о

существовании мира, в котором нет ни лжи, ни истины. Этот мир иногда называют *миром симуляций*. Любое начинание, всякий первый шаг рождается в состоянии, о котором ничего нельзя сказать на языке истины.

Философия без парадоксов — это не философия, а *инструкция*. Абсурд выводит философию за пределы языка к молчанию. Любая философская мысль пульсирует между тавтологиями и абсурдом.

Ускользающая философия

Чтобы сегодня понять, что такое философия, нужно научиться читать философские тексты, чтобы потом убедиться в том, что философ — это не тот, кто умеет читать эти тексты, а тот, кто умеет говорить о том, о чем невозможно молчать.

Нужно научиться говорить, чтобы понять, что **философ** — это не тот, кто умеет говорить красиво, а тот, кто умеет слушать. Нужно научиться слушать, чтобы понять, что философ — это не тот, кто умеет слушать, а тот, кто умеет молчать. Нужно научиться молчать, чтобы понять, что философ — это не тот, кто умеет молчать, а тот, кто умеет грезить, сопрягая грёзы со словом или поступком, соединяя *видимое* и *невидимое*, *языковое* и *безъязыкое*. Человек может мыслить, поскольку он имеет для этого возможность. Эту возможность ему дают грёзы. Каждый человек грезит.

Русские грёзы актуализируют русские философы. Русская философия - это не греческая философия. Русская философия возникает вне философии, поэтому в ней нет желания разрушать подручный мир обжитого. Функцию разрушения берет на себя русская *интеллигенция*, представители которой не являются философами. Философы — охранители преданий, они, как *Аксаков*, отзываются не на зов бытия, а на зов дома. Бытие — это не дом, и язык — это не дом бытия. Как говорил *Шпет*, язык наш — враг наш. Бездомность является отличительным признаком мысли интеллигента. В России философы — не интеллигенты, а интеллигенты — не русские философы.

Антропология как философия

Бытие — это то, чего не было и никогда не будет. Оно всегда есть. Но если оно всегда есть, то внутри него нет смены состояний. А если в нем нет смены состояний, то оно не имеет никакого отношения ко времени. А если оно не имеет отношения ко времени, то нужно говорить об идее бытия. Сущее существует без бытия. Бытие не существует без сущего. Но и **человек** — это идея человека, то чего никогда не было и никогда не будет. Человек уже есть, но как Христос, как то, внутри чего нет смены состояний.

Чем же отличается бытие от человека? Тем, что у бытия нет боли и нет страха. А у человека есть и то, и другое. Онтология смещает человека из центра философии и превращает его в нечто необязательное. Онтология была бы возможна, если бы бытие не зависело от человека. Но бытие, независимое от человека, это существование, а не бытие. Есть только одно бытие. Это **бытие человека**. Или еще строже. Есть только одно бытие — бытие Бога, никакого другого бытия нет. **Онтология** — это необъявленная война философии с человеком, стремление философов деонтропологизировать мир.

Человек — очень пластичное существо. Быть *пластичным* — значит быть эмоциональным, возбуждающим в себе самом чувственность. Фундаментальное свойство человека — **самоаффектация**.

Человек существует без сущности. Если он когда-нибудь начнет существовать с сущностью, то перестанет грезить, то есть предьявлять себе тот объект, которым хочет овладеть. Грёза, овладевшая телом человека, превращает его в мыслящую вещь. В социуме живет не мыслящая вещь, а языковое существо.

Русская интеллигенция

Интеллигенция, по моему мнению, не самое удачное изобретение русской мысли. Как говорят *Бердяев* или *Федотов*, интеллигенция связана с двумя критериями существования: *во-первых*, это люди, которые могут поставить на кон собственную жизнь во имя идеи, а *во-вторых*, они оторваны от “почвы”. *Толстой* в этом смысле уже не интеллигент. Их было немного в России. Это были люди, которые несли в жертву свою собственную жизнь, а приносились в итоге чужие жизни. В числе интеллигентов несомненно были *Чернышевский*, *Добролюбов*, *Белинский* и т.д. Интеллигенция - это вполне определённая группа людей, которую я оцениваю скорее негативно. Русская интеллигенция просуществовала недолго, коллапсировав в *Революцию*, и история XX века отражает её плоды. **Советская интеллигенция** - уже иное образование со своими характерными чертами, но она преобразовалась в *номенклатуру*, утратив первоначальное свойство идейности.

Можно вспомнить *Ленина*, который брезгливо отмахивался от продажной прослойке интеллигенции, предпочитая “мерную поступь железных батальонов пролетариата”. Наряду с этим было европейское представление об интеллигенции как о бескорыстной чете, как бы поднявшейся над частными интересами и созерцающей истину. Увы, у всех есть интересы, и все корыстны, и этого “всевидящего глаза” тоже нет.

Как я уже сказал, ряд фигур не годится для статуса философии. Фигура интеллигента не годится, так же как фигура интеллектуала и фигура эксперта.

Резюмируем это длинное рассуждение. **Философ** - это уходящая натура. Кто же придёт ему на смену? Ведь она стала не нужна, так как от неё нет никакой практической пользы. Почему в школе не изучают философию? Там нужна *послушность*, о которой я вам говорю в связи с политиками. Кроме того, там ценится не сознание, а ум, то есть нужно быть *умным*, чтобы учиться хорошо. Представьте, как содрогнётся мир политиков, если в школах начнут читать философские тексты, и люди начнут думать.

Немного возвращаясь к исходной теме, стоит отметить, что многие наши представления о сознании ошибочны. Они часто говорят о сознании двояким образом: о **сознании для осознания** и **сознании для различения**. Кант говорит, что у нас не всегда хватает сознания для осознания, потому нам и нужна философия. Нас также научили, что сознание неделимо. Но и это не так. Оно делимо чуть ли не до бесконечности, пока совсем не исчезнет. Наряду с этим в нас умерло всё то, что должно было заполнять пустоты. Помните, мы говорили о пустых словах или пустых желаниях. Кант связывает **способность желания** (одну из основных способностей) с возможностью каузального применения нашего разума. На этом построено любое творчество.

Речь идёт о том, что утрата сознания неминуемо влечёт за собой утрату внутреннего мира. Многие из нас уже не имеют его. Чтобы он был, нужны усилия по созданию, учреждению неких мыслимых объектов (таких как *добро, ум, красота* и т.д.) и их удержанию. Но кто же позволит разворачиваться философии в школе. Там есть “заглушка” в виде обществознания, полного, с моей точки зрения, множества бестолковых стереотипов, которые как тромбы мешают течению мысли. В советский период была ориентация на науку, отсюда и тенденция к тому, чтобы везде царили *дисциплины*, в числе которых и пресловутое обществознание.

Я хочу, чтобы у вас сложилось определённое представление о философии. **Философия**, с моей точки зрения, есть форма сознательного безумия. Сознательного, чтобы не угодить в сумасшедший дом. Философия есть вещь *пограничная*.

Клиповое сознание

Мы уже говорили немного о клиповом сознании. Для меня **клип** - это образ, некое сокращение, что позволяет говорить почти всё в условиях ограниченности времени. Клип - это одновременно странное осязательное и обонятельное отношение к чему-то конкретному. Такие люди, как *Гуссерль* и другие, приложили руку к такому повороту, как “назад к вещам”, “от абстрактного - к конкретному”. Слово «*clipping*» обозначает всего лишь подборку газетных вырезок на определённую тему. Клип прост, как натюрморт. Это лоскут, часть, не отсылающая к целому. И одновременно клип требует

грез, фантазий, которыми заполняется место отсутствующего целого. Клиповое сознание — это не понятийное сознание.

Так вот, я хотел бы привести вам примеры двух клипов. Осязательно пытались прикасаться к миру два гения. Один жил в России, другой — в Германии. Первого звали *Василий Розанов*, второго — *Фридрих Ницше*. Оба они практиковали клиповое мышление в философии. Клиповое мышление не в том, что человек утомляется от долгих текстов и требует краткой интерактивности. Нет, здесь речь идёт о другом. Начнём с Розанова.

В XIX в. в России был популярен *Чернышевский*. Розанов не любил Чернышевского, но объяснять свою нелюбовь он не стал. Ведь если ее объяснять, то нужно анализировать взгляды Чернышевского, искать в них плюсы и минусы, создавать понятия, вступать в дискуссию. Розанов ничего этого не делал. Он создал «клип», образ, в основу которого он положил деталь, частность, одну фразу, сказанную Чернышевским.

К Чернышевскому Розанов подбирается как бы между делом со стороны *Гоголя*. Герои Гоголя, как куклы, не имеют *внутреннего*. Они просты и понятны. «Кто же, — говорит Розанов, — не поймет азбуки, понял даже Чернышевский, не умевший различить чубука (трубки) от жены (основная идея романа “Что делать”)». И далее следует цитата из *Чернышевского*: «Не обижает же вас, если кто покурил из вашей трубки: почему же сердиться, если кто-нибудь совокупится с вашей женой». То есть Гоголя поймет даже тот, кто не понимает, что жена — это не трубка. Так Розанов поместил в частность и Чернышевского, и его теоретические взгляды. И этим сказано всё, что следовало сказать Розанову критического в адрес Чернышевского.

Теперь о *Ницше*. В «Несвоевременных размышлениях» ему нужно сказать, что между животными и людьми нет никакого различия. И одновременно нужно сказать, что это различие есть. Как Ницше строит свое клиповое мышление? Он начинает делить людей на две части: одна и самая большая — это *люди звери*. Другая — это *люди не звери*. Ницше пишет в «Шопенгауэр как воспитатель»: кто нас поднимет из потока жизни? И отвечает: «Это те подлинные люди, которые уже не звери, — философы, художники и святые; при их появлении и в их появлении природа, которая никогда не делает скачков, делает свой единственный *скачок радости...*». В этом образе-клипе Ницше упакована **ментальная энергия аффекта**, которая равна теории эволюции Дарвина => То есть людьми нас делают художники, философы и святые, и это их дело нельзя объяснить естественными причинами. Художник — это пропуск, разрыв в причинной цепи, скачок к тому, кто сам собой начинает быть человеком. Сразу вспоминайте здесь о пещере Шове и рождении человеком человека.

В этих клипах упакована практически целые философии. Фактически то, что мы делаем с вами, говоря о *галлюцинозе, заполнении пустот, способности желания* - это

некое подобие **клипов**, которые позволяют чрезвычайно эффективно “упаковывать” мысль и делают её передачу гораздо более безболезненной.

Лекция 6. Человеческое в человеке

В прошлый раз я сделал отступление, рассказав вам о философии, завершив этот рассказ примерами “клипового” мышления. Я бы хотел, чтобы вы усвоили ряд концептов, чтобы на их фоне яснее понималась проблематика **сознания**. Мы принуждены иметь дело с цифровым обществом, но тем не менее, есть что-то такое в человеке, что сопротивляется этой тотальной дигитализации.

Что мы вынесли из XX века? То, что у каждого есть следы, шрамы, которые наносят нам разнообразные силы: *социальные, психические, экзистенциальные*, и т.д. Эти рубцы и являются не завершением, а лишь началом разговора о той цене, которую мы платим за жизнь в мире, с которым вы вынуждены договариваться.

Я продолжу говорить об аффективных токах в галлюцинозе. В XX веке философы попытались найти в человеке *humanitas*. Для *Хайдеггера* в “Письмах о гуманизме” человеческое в человеке связано с “возможностью услышать зов бытия”. А *Сартр* в эссе “Экзистенциализм это гуманизм” прямо говорит о том, что “быть гуманистом значит быть атеистом”. *Деррида* же оставляет вопрос открытым. “Кто это - мы?”, - говорит он, завершая работу “Концы человека”. И все они отклоняют мысль *Маркса* о том, что человеческое находится не в нас самих, а в обществе. Я присоединяюсь к этому несогласию и против того, что человеческое усматривается в социуме. А где же тогда?

Аффективные токи в галлюцинозе

Роман *Пелевина* “Трансгуманизм” начинается с вопроса “с чего начинается человек?”. С **аффективных токов в галлюцинозе**, отвечу я. Что есть галлюциноз? Ответ на этот вопрос определён тем, что в галлюцинозе совпадают мысль о бытии и бытие. В этом термине также соединены два смысла: *галлюцинация* и *циноз*. Это должно напомнить нам, что галлюцинации соединяются также, как это делают организмы, соединяясь в биоценоз. Организмы соединяются в пространстве, но мы уже знаем, что быть живым - не значит с необходимостью быть в сознании. Из всего живого труднее всего помыслить *сознательное существо*, ибо сознание не относится к региону сущего. На него нельзя указать. **Галлюциноз** - это сообщество мыслящих людей, объединённых во времени.

Обратите внимание на две вещи. **Грезящие** могут быть объединены только **во времени**, чтобы быть людьми. Прочитывая *Канта*, мы находим устройство галлюциноза в его выражении “**чёрное золото морали**”. Например, Кант замечает, что человек вообще *зол* по природе и *ленив*. Отсюда следует связь: неумолимая злоба сама по себе могла бы причинить много вреда, но злоба уравновешена ленью. То есть, получается,

что наличествует любовь к пассивному отдыху, которая отводит от претворения часть зла. Далее Кант замечает, что люди также *трусливы* от природы. “Но если бы мы не были трусливы, то в жажде крови давно бы уже погубили человечество”, - говорит он. Кроме этого есть также *лицемерие* как изначальное свойство человека. Если бы не было лицемерия, говорит Кант, то люди не смогли бы хорошо жить в обществе. Общество диктует лживый способ существования.

Несовпадение человека с самим собой - это не то, что приветствуется социумом, но это необходимо нам, чтобы *быть человеком*. Итак, галлюциноз начинается с **аффективных токов**. Они связаны с этим несовпадением, которое порождает спонтанные связи, то есть аффекты. Чем завершается поток аффектов? **Сознанием**.

Два вида сознания

Я бы хотел напомнить вам, что есть два сознания: первое - **сознание как осознание**, второе - **сознание как схватывание различий**. Чем они разнятся? По сути, эта разница принимает форму различия между **синтезом** и **анализом**. Сходство состоит в *ремиссии*, в постепенном ослаблении сил. “Сознание, - говорит Кант, - всегда имеет *степень*, которая может быть ещё уменьшена”.

В мире происходит очень много чего, и это многое происходит очень быстро. Что нам нужно для понимания? *Пауза, дистанция*, а также *созерцание*. Тогда мы *осознаем*. Человек нуждается в *тишине* и *одиночестве*. Кант говорит о том, что сознания может быть недостаточно для понимания. Из этого следует, что сознание нельзя, как вещь, превратить в ничто путём деления, но можно разрушить его путём *ослабления*. Если мы не можем извлечь смыслы, значит мы не понимаем происходящего в мире.

Мы констатировали, что сознание ослабляется сегодня, к примеру, в связи с тем, что люди перестали читать философские тексты. Один из изъянов мировой культуры состоит в отсутствии тяги к скрупулёзному чтению. Философия становится *примитивной*. Наряду с этим, люди перестали читать художественную литературу. Надо понимать, что ведь и философия, и литература были созданы для учреждения нашего внутреннего мира. А ведь осознаться могут только лишь предметы внутреннего мира (к примеру, свобода может быть только внутренней), тем самым ослабление сознания ведёт к их *исчезновению*. В своё время Эпикур говорил, что когда вы будете распяты, вы свободны. Сартр говорил, что немцы пришли в Париж, но французы были свободны.

Не кажется ли вам, что всё больше людей без внутреннего мира встречается сегодня? **Сознание как осознание** вполне может полностью и необратимо исчезнуть. **Сознание как различие** может быть заменено интеллектуальными системами, алгоритмами. Социум, профессии, роли - это алгоритмы. Замещение сознания

интеллектом приводит к столкновению двух разных сенсориумов. Один из них обеспечивает *отношение человека к предметам органов чувств*. Другой сенсориум обеспечивает *отношение человека к самому себе*. В этот сенсориум входят **сверхчувственные** вещи: палеолитическая Венера, наскальная живопись, искусство вообще, то есть всё то, что отсылает не к другой вещи, а к **внутренней жизни человека**.

Если внутренней жизни нет, ты мы перестаём считывать эти вещи, и надобность в них исчезает вовсе. Ум есть ничто иное, как сверхчувственная субстанция. К сенсориуму сверхчувственного относятся:

- внутреннее чувство (или чувство времени)
- чувство самого себя
- чувство реальности
- чувство бога

Этот сенсориум встроен в галлюциноз. Что объединяет людей во времени? **Согласованная галлюцинация**, то есть образы. Согласование происходит как раз посредством сознания, которое производит то же, что происходит при счёте. Счёт состоит в *прибавлении единицы*. При восприятии музыкального произведения мы делаем то же самое, что при счёте. Если бы мы при счёте забывали бы, что единицы постепенно прибавляются друг к другу, то мы ничего бы не узнали о числе, о возникновении *суммы*. То есть чтобы суммировать, нужно помнить - "*держат в уме*". Суть дела здесь не в памяти, а в **сознании**, поскольку понятие числа завязано на осознании синтеза единиц. Когда мы мыслим, мы осознаём существование того, что мы учреждаем в мысли. А когда мы учреждаем нечто, это значит, что мы являемся его *причиной*. Это осознание требует *усилий*. Мы синтезируем объект чувства и существование, которое нельзя отнять от объекта.

Ранее я уже говорил о том, что *Кант* разделил бытие на два полюса: *ноуменального* и *феноменального*. Тем самым, бытие получило статус не реального предиката. Это означает, что для понятия вещи существование вещи ничего не прибавляет. Когда речь идёт о регионе *сущего*, то это правило работает. Но когда речь заходит об объектах *внутреннего чувства*, то это правило не срабатывает, потому что здесь существование нельзя сделать несуществованием. Объект чувства в данном случае не расщепляется со своим существованием.

Итак, мы синтезируем объект чувств и его существование. Что нам даёт такого рода синтез? Это даёт нам **расширение реальности**. Без этого расширения невозможно человеческое. **Галлюциноз** и есть такое расширение. В биоценозе же существуют животные. Расширение реальности происходит за счёт учреждения объектов чувств и мыслей. В этом измерении существует то, что значимо, и, соответственно, не существует то, что не значимо. В галлюцинозе есть правило, согласно которому не может быть так,

чтобы душа чувствовала объект, а он был бы не таким, каким она его чувствует. Не может быть так, что у человека есть чувство любви, а ему говорят, что это не так. Любовь - это человеческое изобретение. Чтобы любить, нужно парализовать свой интеллект, который задаётся прагматическим расчётом.

Расширение реальности

Для того, чтобы парализовать ум, нужно фактически “*стать сумасшедшим*”. Тогда учреждается существование *внутреннего мира*, и теряет своё значение *внешний фактор*. Чувство лишает существование возможности быть не реальным предикатом своего объекта. В галлюцинозе чувство расширяет реальность, и в нём *несуществующий талер - это уже не талер* (если перефразировать Канта).

Заблуждение натурализма не преодолевается тем, что над сущим надстраивается бытие, равно как и над телом надстраивается душа, дух, экзистенция и т.д. **Осознание** - это главный признак существования человека, который даёт место тому, чего нет в реальности, то есть времени. В момент осознания появляется время существования того, что мы учредили, то есть мнимостей. Эти мнимости существуют если к ним относятся как к существующим.

В нашем человеческом мире всегда есть такая сторона, которая существует только если мы хотим этого. А есть также сторона, существование которой нам необходимо, но мы в современном мире разрушили его. Это в своё время понимал *Платон, Кант* и другие. Последний в “*Основах метафизики нравственности*” разъясняет, что из себя представляет так называемое “*царство целей*”. Он пишет: “Царство целей - это практическая идея для того, чтобы реализовать то, что не существует, но что может стать действительным благодаря нашему поведению и, притом,сообразно именно с этой идеей”. По сути дела, он объясняет, как в галлюцинозе расширяется реальность посредством мнимостей. Это значит, что среди того, что имеет причину не в нас, а в самом себе, появляется то, что имеет причину в нас. Иными словами, среди вещей появляются мнимости (или призраки).

Мы собрали концептуальный каркас, которые обуславливает возможность понимания самого разговора о сознании. Мир ребёнка подразумевает существование непрерывно длящегося времени, в отличие от мира, поделённого на *вчера* и *завтра*, на который всё время указывает взрослый. *Язык* вторгается в детскую жизнь, разрушая *настоящее*. Осознавать - значит быть во времени, а быть во времени - значит осознавать. Временность подразумевает, что мы можем что-то забывать, на что-то надеяться, что-то переносить и т.д. Это может делать только человек. Если человеку *не на что надеяться,* значит настало время разложения мира. **Бытие во времени** потому есть чисто

человеческое бытие. Если мы говорим, что нет внутреннего мира у человека, мы тем самым отрицаем время. Время не как свойство вещей, а как свойство сознательной жизни человека.

Поскольку *сознание одно*, а не множество, постольку мы объединяем то, что созерцаем с тем, что следует друг за другом во времени. **Грёза** есть наблюдение мира во времени. Если бы мы не грезили, то не смогли бы различать время в следовании друг за другом галлюцинаций. Галлюцинация, не имеющая внутри себя смены состояний называется *мгновением*. Кант в “Критике чистого разума” говорит так: “Если бы кинолента была то красной, то чёрной, то лёгкой, то тяжёлой, если бы человек принимал образ то одного животного, то другого, если бы в самый длинный день в году Земля была бы покрыта то плодами, то снегом, то льдом, тогда бы моё *воображение* не имело бы даже и повода мысленно воспроизводить при представлении о красном цвете кинолента. Точно так же, если бы одно определённое слово обозначало то одну, то другую вещь, либо если бы одна и та же вещь называлась то так, то иначе, безо всякого правила,.. то не мог бы иметь место **синтез воспроизведения**”.

Как раз в такое время мы с вами и живём. Иными словами, если бы не было правил, а вещи были бы всегда разными, то не было бы никакого *воображения*. Галлюцинации оставались бы галлюцинациями, а не становились бы *образами*. Мы забывали бы прошедшее при переходе к последующему. Однако, нам нужна не память, а воображение. Человеку нельзя полагаться на память, так как она ограничена. Мы живём в мире игры наших представлений, которая сводится к определениям *внутреннего чувства*.

Какой выход предлагает Кант? Он говорит, что следует полагаться на воображение. Как же можно полагаться на него, а не на опыт? Речь идёт не об обыкновенном *эмпирическом воображении*, а о **трансцендентальном воображении**, когда мы из ничего учреждаем нечто и тем самым придаём ему существование. Такое воображение должно быть **продуктивным синтезом априори**, которое вносит порядок в хаотичное движение. *Репродуктивное* вносит в *субъективное* повторение одного и того же. Галлюцинации не индивидуальны, поскольку приурочены не к дискретному телу, а к сознанию. Поэтому нет никакой “*проблемы*” *интерсубъективности*.

Тело может быть каким угодно, но оно не может быть полностью подчинено галлюцинации. Из этого следует, что поведение грезящего человека становится не патологическим, а моральным. *Моральное* поведение предполагает подчинение принципам. Полагание этих принципов связано с учреждением самоучреждаемых сущностей (подчинением себя *чувству, мысли, идее*). Пример *патологического* поведения - беспорядочное кружение комаров. Это ситуация, когда вещи диктуют тебе движение. Платон говорил, что следование высшему принципу есть благо. То есть, если

поведение человека определяется **сенсориумом галлюциноза**, или *субъективной игрой представлений*, то его поведение становится моральным.

Способность желания

Стоит сказать, что у *Канта* мы, конечно же, не находим ответов на вопрос о различии сознательной и бессознательной жизни. Кант в предисловии к “Критике практического разума” определяет **жизнь** как “способность существа поступать *по законам* способности желания”. Ошибка заключается в том, что здесь нужно было подставить предикат “**сознательная**” (жизнь). Только *сознательная жизнь человека* может быть подчинена этим законам.

В этом определении Кант не указал, что речь идёт не просто о живом существе, а о **грезящем существе**. Без этого уточнения невозможно понять тот способ, согласно которому Кант мыслит способность желания. Канта уже тогда критиковали за то, что он объявил человека причиной реальности. Что же он понимал под способностью желания? В предисловии к “Критике практического разума” он говорит: “**Способность желания - это способность существа через свои представления быть причиной действительности предметов этих представлений**”. Речь вообще не идёт о *знании*. А куда же делась субъективность? У Канта **субъективность** понимается как условие жизни человека.

Уделим напоследок время ответам на вопросы. Проблемы человека связаны с проблемами цивилизации. Нас приучают к погоне за *новизной*. В этой погоне мы *не замечаем смысла*, не знаем куда и за чем мы гонимся. Вокруг очень много *шума*. В этой ситуации нам может помочь *речь*. Но здесь есть тонкий момент. Чем психоанализ в данном случае отличается от друга? И там, и там есть *речь*. Психоанализ будет говорить с позиции знания, *навязывая* свою *речь*. С другом можно *поделиться*. Это способ “начертить” разрывающие меня галлюцинации на стену в пещере Шове, чтобы унять безудержное терзание. Наряду с другом есть литература, кино. Важно выговаривать внутреннее напряжение, это должно помочь.

Лекция 7. Человек как сингулярное событие

В прошлый раз мы поговорили о нескольких вещах. *Во-первых*, о том, что существует так называемый **галлюциноз**. В отличие от биоценоза, сопряжённого с инстинктом или интеллектом, для галлюциноза требуется сфера сознания. *Во-вторых*, о том, что разум, помещённый в сферу сознания, это уже некая **форма безумия**, потому что человек пытается дать существование несуществующему. Этот разум постоянно впадает в антиномии, паралогизмы, склонен к диалектике, и т.д. *В-третьих*, о том, что существует **два сенсориума**, первый из которых обеспечивает связь человека со средой, а второй - обеспечивает связь с воображаемым.

Кроме того, мы коснулись темы **двух сознаний**. **Сознание осознания** связано с синтезом воображения. Это значит, что есть вещи в мире, которые существуют только потому, что мы хотим, чтобы они были. Попросту на месте слова “хотим” стоит **воля** или **способность желания**. Всё это говорит о том, что есть трансцендентные сущности, которые существуют благодаря сознанию. **Сознание различий** позволяет анализировать, производить “узнавание” вещей. Для него не требуется сознание.

Также мы говорили о **времени** как фундаментальном свойстве человека. *Августин* в своей “Исповеди” замечал, что мы понимаем о времени лишь до момента, когда начинаем о нём рассуждать. С моей точки зрения, время связано с сознанием. И вообще, сознание - это врата во внутренний мир времени. **Осознавать** поэтому значит быть во времени. У греков не было времени, ведь они приравнивались к жизни *в космосе*. Европейский человек приравнивался к жизни *в истории*, которая имеет начало и конец. Но иногда может быть так, что мы присутствуем при начале чего-то, конца чего мы не увидим. А кто-то может свидетельствовать конец того, в начале чего он не присутствовал. И это очень странная позиция. Но сегодня мы находимся в моменте **завершения истории** в христианском смысле. Точно так же, как когда-то римляне присутствовали при этапе **завершения античного космизма**.

Тут важно, что практически вся наша цивилизация построена на операциях со временем. Будучи детьми, мы не понимали времени. Его не должно было быть. Мы хотели пребывать в *непрерывно-длящемся* состоянии, без прошлого и будущего. Последние рождаются только после **разрушения настоящего**.

Прояснение способности желания

Есть одна особенность, которая связана с различием сознания и интеллекта. **Интеллект** - это механизм для расчёта, а **сознание** - это способ учреждения и расширения реальности. В этой связи мы вспоминали Канта.

Стоит сказать о *Канте*, что это был человек-одиночка, с довольно печальной судьбой, однако именно в одиночестве люди обретают способность думать. Что же Кант понимал под способностью желания? В предисловии к "Критике практического разума" и далее повторяясь в "Критике способности суждения", он говорит следующее: "**Способность желания** - это способность существа через свои представления быть причиной действительности этих представлений". Когда мы говорим о *сознании*, всегда нужно иметь в виду эту отсылку к возможности быть первой причиной, основанием.

Неверно думать, что под **субъективностью** понимается *перцепция* или *квалиа*. Феномен жизни выделяется по параметрам *звук, свет и запах*. Это то, что создаёт условия *организменного* существования. Это и условие, и содержание жизни. А вообще-то говоря, ни света, ни звука, ни запаха нет, а есть нечто, встроенное в организм, что *реагирует* на эти свет, звук и запах. *Квалиа* - это **объективное свойство** организменной жизни, а совсем не субъективная составляющая.

Классическая философия предполагала субъективную природу цвета. Я же считаю, что чувственные параметры не имеют отношения к субъективности, которая является выражением **осознанности**. **Осознание** не обязательно связано с Я, но может быть и **тёмным**, то есть таким, которое разворачивается *до Я, вне Я, без Я*. Это, к примеру, *самоаффлектирующая субъективность* ребёнка.

Кант называет субъективность условием жизни человека. Способность причинности человека по отношению к объектам своего представления отсылает нас к **грёзам**. Каждая галлюцинация имеет свой объект, который существует только и именно потому, что мы *галлюцинируем* => Вещь существует, если мы относимся к ней как к существующей. Так возникает **расширенная реальность**.

В "Критике способности суждения" Кант вновь возвращается к осмыслению способности желания. Чтобы *знать, желать и чувствовать*, человеку нужно галлюцинировать. **Галлюцинация** - это то первое и одновременно последнее, где развёртывается действие человека. Тожество бытия и мышления говорит лишь о том, что в каждый момент времени бытие оказывается одновременно мыслью о бытии. **Человек** при этом оказывается далеко не центром мира, не его вершиной и не смыслом, но **сингулярностью мира**, то есть *неповторимым событием*.

Это та часть мира, которую нельзя повторить по законам этого мира. Это значит, что мы живём в странном мире, который нельзя сложить из одних тел и сил, из особенностей объектов и их ассамбляжей. Мир складывается из тел и мнимостей, то есть галлюцинаций. Что в европейской философии называется антропологией? Описание человеческой реальности. Но европейская философия отказалась от человека. Осталась только пуговица, которая принадлежит человеческой реальности, отсылающая к его существованию.

Европейская философия не понимает человека. Даже для *Хайдеггера* человеческая реальность - это *dasein*, то есть существование, *вот-бытие*. Но такая философия ничего не может сказать о самом *человеке*.

Сингулярность

Мы знаем, как устроена природа, в ней всякая вещь существует по закону. Но человек не существует по этим законам. Что скрывает от нас человека? Наше **знание** (в том числе научное) о нём. Мы всегда имеем дело с *относительными знаниями*, которые могут быть дополнены, изменены и отменены. Между частными знаниями может даже не быть логического перехода. О *чувственных* предметах природы мы научились мыслить в бинарных терминах, а *сверхчувственное*, с которым мы имеем дело (то есть с тем, чего нет в мире), нельзя представить в понятиях, категориях. О нём можно сказать посредством **парадоксов, абсурда**.

О субъективности, действующей по законам воли, ничего нельзя знать заранее. Её можно только пережить и понимать. Но сознание не есть переживание. В этом состояла ошибка *Гуссерля*. Быть живым и сознавать - это разные вещи. В **субъективности** существующее - не значимо, а несуществующее - значимо. Её объекты существуют не по законам мира, а по законам *мира свободы*. Свободы нет нигде, она есть только там, где наш внутренний мир её полагает.

Бессознательное

В XIX европейская философия открыла в человеке **бессознательное**. Какое значение имеет это открытие? Мы попытались сложением тел получить то, что называется **субъективностью**. Однако, таким путём нельзя получить *чувство реальности*. Из чувственного ни при каких манипуляциях нельзя получить сверхчувственное. Главная субъективность - это сознание. Мы думали, что на всём лежит *печать сознания*, что мы есть *субъекты*. Но оказалось, что это не так. *Фейербах* говорил, что люди не есть субъекты, и напротив, есть вещи, которые выступают субъектами по отношению к людям. Какой я субъект по отношению к мысли? Она не приходит ко мне по призыву, она появляется тогда, когда сама этого хочет. Нужно *быть достойным мысли*. В частности, *Кант* говорил, что надо так себя настроить, чтобы говорить о горе или счастье в модусе “а *достойн ли я?*”. Человек выступает здесь скорее пассивным элементом.

Когда открыли бессознательное, люди оказались лишены статуса субъекта. А это значит, что человек перестал быть человеком, проживая жизнь *телесную, социальную*,

культурную, языковую и т.д. А где же моя *человеческая жизнь*? **Идея бессознательного Фрейда** и его последователей заставила перестраиваться все гуманитарные науки. Ранее мы полагали, что все наши действия *сознательны*, но психоанализ отменил эту посылку. Тогда можно ли вообще говорить о моментах, когда мы всё же переживаем **субъективность, человеческое**?

Бессознательное открыло дорогу новым материалистам в возможности считать человека *равным* в правах с остальными объектами. Предполагается, что нет причин для существования сознания ни в теле, ни в социуме, ни в культуре, ни в языке. Это означает, что мы никогда ещё и не были людьми.

Открытие бессознательного принудило нас описывать сверхчувственное как некий чувственный предмет, ибо все наши онтологии и языки были предназначены для *описания природы*, в которой одна вещь отсылает к другой вещи. Задача современной философии - отказаться от этих онтологий и вернуться к исследованию субъективности. Хайдеггер говорил, что нужно *больше внимания к мысли*. Чтобы обратить внимание, нужно признать, что сознание нужно не для получения знания, не для её научного препарирования. Для этого достаточно рассчитывающего **рассудка (интеллекта)**. А причина сознания - в самом сознании, в самом человеке. Человек есть *раздвоенное существо*, потому что он **существо чувственно-сверхчувственное**, одновременно открытое миру вещей и *миру галлюцинаций*.

Человеческое существование определяется выражением “*быть в несовпадении с самим собой*”. **Сознание** - это способ учреждения своего существования во времени. Несовпадение открывает нам временные врата. Один из недостатков философии Гуссерля состоит в том, что он проигнорировал это несовпадение, двойственность сознания.

Не совпадать с самим собой - значит *чувствовать*, а чувства нужны для *учреждения объекта внутреннего мира*, наделения его реальностью. Если в мыслях будет что-то, чего нет в чувствах, это будет распознано как ложь. Разрыв с самим собой заполняется аффектами. Любое действие потому - *аффективно*. Становится понятно при таком взгляде, почему человек есть не разумное, а *эмоциональное* существо.

Представление об объекте не должно выстраиваться исходя из того, что бытие не есть реальный предикат. К понятию рубля существование реального рубля ничего не прибавляет. С понятийной точки зрения это так, но не всё может быть описано в понятиях, когда речь идёт об объектах чувства. То, чего в мире нет, обретает своё реальное бытие посредством врзыва галлюцинаций, страсти, эмоций.

Аффективный ток галлюцинаций отличается от бессознательного тем, что последнее формируется не сознанием, а языком и культурой. Бессознательное предназначено именно для того, чтобы Другой мог воздействовать на тебя в твоей

субъективности, как на вещь в пространстве. **Язык** действует на нас таким образом: он *программирует*, даёт *инструкции* и *предписания*. Животным управлять сложнее: его можно дрессировать, но нужно подкармливать. С человеком дело обстоит легче, потому что его не надо даже подкармливать. Он будет *инструментировать сам себя* в соответствии с алгоритмами социальных правил. В языке, культуре и социуме мы существуем лишь в той мере, в которой мы совпадаем с самими собой. Но на самом деле люди живут не среди вещей, но среди объектов, которым они сами дали существование.

Принадлежность к галлюцинозу даётся сознанию человека *непосредственно*, как **вещь-в-себе**. Но здесь стоит учитывать, что природа никогда не покажет нам ни одну вещь-в-себе, платой за что будет возможность опыта. А те вещи, с помощью которых мы воздействуем сами на себя, не созерцаются, но это и есть вещи-в-себе.

Экзистенциальная проблема состоит в том, чтобы учиться быть людьми в обществе, языке и культуре. Наши галлюцинации принадлежат не им, но галлюцинозу, то есть кругу аффектов, связь между которыми отсылает к изначальному взрыву галлюцинаций в пещере Шове. Особенность **аффективных токов** в галлюцинозе состоит в том, что они не связаны с языком, не регулируются им. Для психоанализа важна *речь*, он орудует *словом*. **Галлюцинация** же предваряет слово, является условием говорения. Поэтому я вынужден ещё раз сказать, что аффективные токи связаны с формированием чувственности. Почему Делёз запрещал отвечать на вопросы типа “что это такое?”. Он не любил чуждость, потому что никакое становление не могло превратить ничто в нечто. Его эмпиризм проваливался в попытке объяснить расширение реальности посредством сознания и чувств.

Посвятим некоторое время ответам на ваши вопросы. Итак, социум предполагает неискренний способ существования, когда для хорошей и комфортной жизни достаточно “*делать вид*”. За этой маской ничего не кроется, там нет настоящих чувств. Но ведь мы хотим видеть *правду*, то как к нам *действительно* относятся, без прикрас. Но мы ведь уже говорили о том, что **ложь** - это условие любой *успешной* социальной коммуникации. Правда - это *травма*. Люди придумали множество способов разрешения коммуникативных ситуаций, но всегда присутствует некий слой *нормативности, правил приличия, манеры общения* и т.д. Поэтому приходится выбирать между возможностью *коммуницировать* и возможностью *оставаться честным*.

Сенека в “Нравственных письмах к Луцилию” сетовал о браке, описывая многочисленные рутинные тяготы, возложенные на супруга: носить тяжести, колоть дрова, покупать что-то, и т.д. Но есть некое *благо*, ради которого ты принял эту ношу. Я говорю это к тому, что мы не можем увидеть человека таким, какой он есть, мы можем лишь перестать видеть его таким, каким видели. С моей точки зрения, в современном мире любить практически невозможно.

Скажем несколько слов касаясь рассуждений о божестве. Дело в том, что язык - это не то, с помощью чего можно говорить что-то о божестве. *Бог не есть вещь* в мире наряду с другими вещами. Поэтому едва ли возможны *катафатические* попытки (положительные высказывания). Я склоняюсь к тому, что о божестве в лучшем случае можно *молчать* или *молиться*. У нас есть *чувства*, с помощью которых мы понимаем, что либо мы не существуем и ничего не можем, либо можем, но не всё. Бог есть некое самоограничение человека. Если человек утратил это чувство, значит он потерял ориентацию в мире, *понимание* происходящего. Если же это чувство всё же сохранилось, то человек способен попытаться найти причину происходящего в себе, спросить себя “достоин ли ты счастья?”.

Социология *Дюркгейма* плоха в его трактовке **социального**. Он социальное понимает через социальное. Дело в том, что социология вообще возникла в период смерти Модерна, в эпоху **рационализации** всего и вся. Я думаю, что сегодня уже не время социологии.

Лекция 8. Раздвоенность Достоевского и Декарта

В прошлый раз я начал рассказывать об **аффективных токах** в галлюцинозе сознания. Мы упоминали о том, что можно быть изъятым из коллективного галлюциноза. Примером тому выступают случаи *маугли*. Следовательно, не стоит доверять рассказам о том, что маугли являются людьми. Далее мы уточнили, что **аффект** возникает в момент, когда мы даём объекту наших грёз существование путём своего отношения к нему. Аффекты могут быть приватизированы, либо же нет. Все разговоры об идентичности не имеют никакого отношения к существованию, то есть к несовпадению человека с самим собой. Это то, что сближает нас с рисунками из пещеры Шове. Мы всё больше удаляемся от изначальной **раздвоенности**, которая постепенно схлопывается в числе, смыкая *внешнее* и *внутреннее* в нас.

Также хотелось бы напомнить, что человек обитает не в пространстве, а во времени, он выстраивает *временные связи*. В пространстве люди находятся поневоле, когда им приходится делить отношения собственности, расчерчивать границы и т.д. А во времени иные разметки: **мораль, искусство и право**.

Также мы касались открытия **бессознательного** и его значения. Мы живём так, что сознание нам как бы и не нужно. Сознание есть не у всех, и большинству оно не нужно. Эта ненужность сознания образует *пустоты нашей культуры*, которая прибегает к симулятивному способу их заполнения. Самой популярной симуляцией является так называемый *искусственный интеллект*.

Сегодня входит в моду составление всевозможных *этик*: биоэтики, цифровой этики и т.д. На мой взгляд, подобные вещи являются симуляциями второго порядка.

Особенность аффективных токов

Аффективные токи не связаны с языком, следовательно речь к ним не ведёт. Язык и чувство в каком-то смысле противопоставлены друг другу. Чувства нужны для превращения ничто в нечто путём отношения к нему соответствующим образом. Почему *Делёз* запрещал задавать вопрос о чуждости в философии? Он боялся возрождения платонизма. Но платонизм тут не причём. Дело в том, что у *делезианской философии* плохие отношения со временем. *Делёз* не смог понять, что время есть свойство сознательной жизни человека. Он полагал, что время связано с космическим становлением, потоками стихий. Но становление не может превратить ничто в нечто. Это модус становления чего-либо без надежды когда-либо окончательно стать.

Итак, бессознательное есть то, к чему есть *доступ слова* и речи. Но аффективные токи сознания *невербальны, асоциальны, анти-культурны*. Иными словами, всякая

операция или синтез, который я совершаю между объектами своих грёз и существованием, не имеют места в культуре. Поэтому следует понять, что и всякая мысль, и всякое чувство *асоциально*.

Отсюда следует ряд вещей. Во-первых, то, что культура может только *паразитировать* на произведениях искусства и философии. Всякое нормирование паразитирует на том, что не имеет пределов в виде нормы. Во-вторых, самые важные части в аффективных токах - **мистерии**. В мистериях “выжигается” человек, и вся его жизнь мистериальна. Мистерия есть своего рода “осьминог” галлюциноза. Это аналогия к тому, что натуралисты обычно рассуждают о развитой субъектности отдельных щупалец осьминога. Нужно понимать, что существует изначальный разрыв между интеллектом и сознанием. С помощью уменьшения сознания и увеличения интеллекта можно добиться *алгоритмизации и производственной пользы*. Но это, конечно, не позволит достичь уровня *творчества и мысли*.

Каков галлюциноз, таковы и конфигурации общества. Сознание расширяет реальность посредством мнимости, а не посредством речи, как считают теоретики бессознательного. Кантовское понимание *разума* не предполагает построение знания о природе. Для этого достаточно *рассудка*. Разум же, согласно Канту, выходит за пределы опыта. Когда мы *воображаем* или *грезим*, мы выходим за пределы наличного. Разум слеп, поскольку основан на воображении.

В предисловии к “Критике чистого разума” Кант говорит о том, что “разум погружает нас во мрак, выходит к за пределы опыта к безусловному”. Мы хотим полностью *очевидного*, тем самым теряем возможность *знания*. Учёные владеют относительными знаниями, но не имеют очевидности. **Разум**, согласно Канту, действует, подобно слепому на картине Брейгеля: слепой ведёт (нас) слепых. Он ведёт нас посредством *пустых желаний* (желаний невозможного). **Желать** - это всегда воображать, то есть быть причиной реальности своих представлений. Хотя представление субъективно, оно учреждает существования объекта грёз. Наше *желание* необходимо отличать от *вожделения*, чем и занимается **сознание**. Вожделение не может создать объект, оно цепляется за реальные предметы (деньги, комфорт, вещи и т.д.), потому что зависит от них. Если оно зависимо, значит оно и не свободно. А если в нём нет свободы, значит в нём нет пространства для применения разума.

Разум и свобода суть одно. Разум основан на *капризе, произволе*. Действие через **субъективность** - это не какие-то предикаты, которые приписываются субъекту (квалиа или иное), но *произвольное, спонтанное* действие.

Принадлежность человека к галлюцинозу даёт ему *каузальное* действие не через причинность (*детерминистский мир*), но через мир *свободы*. Иными словами, речь об искусстве, морали и праве. Природа причиняет, а человек желает (невозможного).

Что же делает в таком случае философия? Она добавляет к четырём стихиям, придуманным в античности (в связи с *фюсис*, который позволил объяснить природу без привлечения *богов* как объяснительного средства), также пятую - **галлюцинацию** (не как болезнь человека, но *болезнь природы*).

Осталось заметить, что для пребывания в мире грёз человеку нужен бог, ибо человеку без бога *ничего нельзя* сделать, а с ним - нечто сделать *возможно*. Грезить - всегда бросать вызов социальному, которое обещает нам “*бытие вместе*”. Но вместо совместного бытия, человек вынужден совпадать с самим собой, выполняя роль социального алгоритма. Каждый живёт в обществе, но мыслит в одиночестве. Анархисты предполагали, что можно думать вместе. Они не правы. А социум вообще предлагает не думать, то есть увидеть глазами другого, сослаться на обобщённый опыт, и т.д. Но мы понимаем, что отказаться от мысли - значит стать *послушным и управляемым*.

Раздвоенность человеческого бытия

Я предполагаю, что вы читали “Двойника” и “Записки из подполья” Достоевского. Чтение такой литературы создаёт *очистительный барьер* в нашем внутреннем мире. О Достоевском писали многие философы и не только. У нас в стране его ввёл в оборот Розанов, опубликовав разбор к “Великому инквизитору”. С тех пор начался масштабный интерес к фигуре Достоевского. Но только Лосский обратил внимание на “Двойника”. Дело в том, что первая повесть Достоевского, “Бедные люди”, имела ошеломительный успех, поскольку была социальным произведением, пропитанным общественными чаяниями. Но не все проблемы социальные, есть также **проблемы антропологические**.

Эффект от “Двойника”, как мы понимаем, был кардинально противоположным. Нет хуже позиции, чем быть загнанным в тот или иной “*образ*”. Мы все так или иначе загнаны в колею соответствия своим социальным образам. Соппротивление этому - есть признак действия сознания. Так вот, Достоевский рассказал про Голядкина, про то, как он беден, и как сложно устроен мир, в котором хочется быть простым и искренним, а вынужден *не уважать самого себя*. Двойник - это человек, живущий внутри спектакля под названием *общество*. В обществе человек всегда вынужден решать одну и ту же проблему: поклониться или нет тому, кто выше тебя в социальной иерархии? Либо же прикинуться, что ты - это не ты, и тебя не существует. Голядкину нечего скрывать. Он не знает, проснулся ли он, или всё ещё спит. Около него совершаются и продолжают совершаться беспорядочные сонные грёзы. Вообще в мире есть множество вещей, которые существуют только лишь потому, что кто-то хочет быть в соответствии с некими представлениями: мы не хотим выглядеть глупо, хотим быть красивыми,

успешными, и т.д. На это соответствие указывает даже цветное решение его комнаты: его комод из красного дерева, зеленоватые обои. Цвет проникает в сознание Голядкина и требует от него определения собственного места в мире. Он видел себя *одним*, но окружающие видели его *иначе*. Голядкин *не терпел двуличности, но у него образовалось два лица*. Однажды его фантазм объективировался. Он пришёл домой, обнаружив на своей кровати незнакомца, которым был он сам. Голядкин пошёл на службу, где опять нашёл себя другого.

Публика ничего не поняла в этом сочинении. Выступить в защиту бедных - актуально. Достоевский рассказал о своём открытии, и его не услышали. “Порядочных людей по двое никогда не бывает”, - сказал слуга Петрушка и ушёл от Голядкина. Голядкин пишет письмо своему двойнику: “Либо вы, либо я, а вместе нам невозможно”.

С решения именно этой проблемы начиналось то, что произошло в Шове. Жить с галлюцинациями в социуме невозможно. Позднее Достоевский пишет “Записки из подполья”. Здесь он станет развивать идеи «Двойника». Между тем и «Записки...» мало кто понял. Их мыслями и настроением не вполне проникся даже Михаил *Бахтин*, не говоря уж о других профессиональных исследователях. Зато на эти идеи обратил внимание *Лосский*, по-своему развил их в своем труде под названием «Достоевский и его христианское миропонимание». Вот письмо Достоевского художнице Екатерине *Юнге*, отправленное в последний год жизни великого литератора: «Что Вы пишете о Вашей *двойственности*? Но это самая обыкновенная черта у людей... не совсем, впрочем, обыкновенных. Черта, свойственная человеческой природе вообще, но далеко-далеко не во всякой природе человеческой встречающаяся в такой силе, как у Вас. Вот и поэтому *Вы мне родная*, потому что это раздвоение в Вас точь-в-точь, как и во мне, — и всю жизнь во мне было. *Это большая мука, но в то же время и большое наслаждение*. Это — сильное **сознание**, потребность *самоотчета* и присутствия в природе Вашей потребности *нравственного долга к самому себе* и к человечеству. Вот что значит эта двойственность. Были бы Вы не столь развиты умом, были бы ограниченнее, то были бы и менее совестливы, и не было бы этой двойственности. Напротив, родилось бы великое сомнение. Но всё-таки эта двойственность большая мука».

Если вы знаете отношения Достоевского и *Толстого*, то вы помните, что сказал последний после смерти Достоевского: “Господи, как же я чувствовал его родным”. Он плакал и сожалел о том, что они так и не увиделись в жизни.

Сознание и жизнь - несовместимы. Наше тело не создано для сознания. Оно *обременительно*. Это то, что наносит урон жизни. Ницше настаивал на том, что мы хотим жить, поэтому нам и не нужно сознание. Но что это за жизнь без сознания? Стоит обратить внимание на то, что в письме Достоевского не идёт речь о раздвоении человека на душу и тело, и следовательно всякая научная попытка объяснить корреляцию сознания с телом - безрезультатна.

Достоевский не разделял тело и душу. Но в европейской философии такое разделение было произведено: есть душа, не причастная к телу, а тело существует отдельно от души. *Платон* писал о теле как о “темнице души”. Это неверно, с моей точки зрения. Проблема их соотношения решается очень просто. *Стоики* говорили, что всё телесно, просто отличается по степени тонкости (как душа) и грубости (как вещи).

У Достоевского речь идёт вовсе не о раздвоении человека на душу и тело, но о раздвоении Я здесь и сейчас. Но призрак противопоставления души и тела сопровождал всю западную философию, но именно на нём основаны представления о безумии в европейской культуре. В русской культуре эти представления - иные. А кто безумец в русской культуре? **Юродивый**. Он безумец не потому, что он распадается на душу и тело, а потому что в нём душа разделилась и не может быть цельной => Юродивый - это тот кто живёт в мире, но не по законам этого мира. По большому счёту, юродивый - это **символ сингулярности**, результат сопротивления миру.

Раздвоенность у Достоевского проходит через *самость, Я*. Раздваиваться значит непременно идти к себе, но одновременно убегать от себя, быть собой и сопротивляться этому. Встреча с собой отнюдь не предзадана человеку. Эта встреча не является гарантированной. Она предъявляет собой необходимость *быть собой в двух лицах*, делать и страдать от того, что делаешь, быть выше и одновременно ниже себя, быть больше себя и меньше. В феномене **двойника** находится разгадка русского безумия, символом которой является юродивый.

Кто раздвоен, у того есть *долг перед самим собой*, а значит и перед человечеством. **Чувство принадлежности к человечеству** есть неоспоримый признак того, что мы пребываем в сознании, а оно пребывает в нас.

Две субстанции Декарта

Р. Декарт осмысляет раздвоение человека не так как Достоевский, а в терминах, которые были предпосланы пространством европейской философии. Сразу стоит заметить, что *Аристотель* не обратил внимания на двойственность человеческого бытия. Он относил науки о душе к биологии. Сейчас наблюдается тенденция возврата к подобному взгляду. За Аристотелем последовал *Гегель*, который заставил антропологию заниматься “природной душой”. Безумцем Гегель называл человека, который пытается совершить *движение от природной души к своему Я*, утвердить его.

В “Размышлениях о первой философии” *Декарт* говорит так: «Я нахожусь в этом месте, сижу перед камином, закутанный в тёплый халат и разглаживаю руками эту рукопись. Да и каким образом можно было бы отрицать, что руки эти и всё это тело - мои. Разве только я мог бы сравнить себя с бог ведает какими безумцами, чей мозг настолько помрачён, что упорно твердит им, будто они - короли, тогда как они -

нищие...». Выходит, что если я отрицаю наличие своего тела, то я безумец. Иными словами, когда я сижу у камина - я *цельный*. Но когда я начинаю рассуждать и *строить знание*, я делюсь, и это деление предполагает *тело* с одной стороны и *Я* - с другой.

То есть Декарт совмещает две модели. Согласно первой, человек есть “пассажир” в теле (разделённый). Согласно другой, человек есть целостное существо. Проблема состоит в том, что эти две модели в философии Декарта не соединены и не могут быть соединены. Безумец принимает на веру то, что говорит его мозг, не отличающий дерево от тени дерева. Но ведь мы все являемся в таком смысле безумцами, когда спим. Как же так получается, что мы то безумствуем, то нет?

Посвятим немного времени ответам на вопросы. Мысль предоставляет нам *радость мыслить*, но одновременно *отягощает жизнь*. Это **неразрешимое сочетание** муки и удовольствие, присущие сознанию. Человек исходно является *безумным* существом. Мы говорим о некоей *разумности*, но никто не понимает, что это такое. Обратите внимание на то, как *Кант* говорит о разуме: как о *слепом*. С этим фактом ничего нельзя поделать. Думать, что “нормальность - это хорошо” есть самая главная ошибка и ловушка социума.

Дело в том, что есть вещи, которые человек нащупывает независимо от возраста. К таким вещам можно отнести **способность желать и думать**.

Лекция 9. Человек и реальность

В прошлый раз у нас был разговор о **раздвоенности человеческого существования**, которая в разных философиях понимается по-разному. Мы говорили о *Достоевском* и его “Двойнике”, и весь пафос этого разговора заключается в том, что мы, то есть люди, обременены вечной раздвоенностью существования. Я считаю, что **человек** не есть разумное существо, поскольку мы заданы *отношением к самим себе*, то есть являемся *не разумными, но мыслящими*.

В европейской философии линия разделения проходит по линии души / тела. У *Достоевского* это разделение представлено, конечно же, иначе: речь идёт о **само-раздвоенности Я**. *Декарт* считал Я прозрачным и цельным, но это не так. Такая цельность не является человеческой. Я должен сказать, что двойственность - это обыкновенная черта человека, только выраженная у людей в разной степени. Наш разум (или интеллект), конечно, будет испытывать модификации в связи со встроенностью в сознание.

В современном мире многие исходят из парадигмы, согласно которой сознание атрибутируется чуть ли не всем живым существами. Но эта парадигма исходит из неверного представления, вернее не берёт в расчёт различие двух сенсориумов, или между **биоценозом** (жизнью в пространстве) и **галлюцинозом** (жизнью во времени). Человек изобретает, учреждает время, учреждая существование объектов внутреннего чувства. Если бы у всех живых существ было время, то у каждого существа было бы нечто похожее на наше Я: у осьминога, ворона и т.д. Я - это такая штука, которая должна позволять удерживать некие связи и содержания во времени. Ведь во времени что-либо удержать невозможно, так как материя распадается и гниёт. А как же быть? Для этого и существует **закон Я**, потому что Я есть то, чего нет, но то, что времени не подвластно (оно вне времени). Я обеспечивает нам способность соединять нечто и удерживать соединённое.

Ещё надо сказать несколько слов об *Аристотеле*, поскольку тенденция аристотелианства ещё живёт в наше время. Он не обратил внимание на двойственность человеческого существования. *Гегель* продолжил эту линию.

Перед каждым, кто тщетно пытается обнаружить сознание у иных живых существ, встаёт фигура *Декарта*, разбивающая эти попытки. Да, может быть пластичное тело, приспособляющийся инстинкт, но сенсориум *животного* обеспечивает лишь *существование в среде*. Но у него нет возможности существовать во времени, потому что мы создаём время путём деления себя: *мы относимся к себе*. Декарт отделил мысль от протяжённого, обозначив две отдельные *субстанции*. Но у этого отделения была своя цена.

В “Размышлениях о первой философии”, где Декарту нужно было сказать о необходимости познания, он изобретает образ *пассажира в лодке*. Иными словами, это Я, которое находится в теле. Декарт столкнёт тем самым две модели человека: *раздвоенное существование и целостное существование*.

Реальность и сон

Упомянутый на прошлой лекции пример, в котором Декарт сидит у камина и греется в халате, говорит как раз в пользу второй модели существования. Безумец принимает на веру то, что говорит в нём его мозг. Но ведь все мы, замечает Декарт, безумцы, все мы спим по ночам и переживаем во сне то, что безумец переживает наяву. Я, говорит Декарт, сплю голым, а вижу во сне, что я сижу в халате перед камином. «Сон, – замечает Декарт, – никогда не может быть отличен от бодрствования...». А это значит, что все упования на какую-то *реальность* не имеют смысла => Реальность производна от чувства реальности. А чувство реальности возможно только у того, кто галлюцинирует. И никакая *эволюция* ничего не может теперь с этим поделать. Ее ответ может быть простым: кто галлюцинирует, тот не живет. Ведь наше тело не создано для мысли, а мозг не предназначен для сознания. Декарт говорит, что у нас есть некое «сонное видение» – как бы *нарисованная* нами реальность. Отсюда следует, что человеку не дано узнать, как выглядит *реальность сама по себе*. Потому что её и нет. Реальность – это статус *вещи*, но статус вещи – это *протяжение*, а мы живём во времени, где нет наличного, а есть то, чего нет – Я и *трансцендентное*.

Современная философия в изводе *объектно-ориентированной философии* полагает, что можно взглянуть на мир как он есть сам по себе. Я считаю эту возможность закрытой раз и на всегда.

Но уже в шестом рассуждении Декарт пишет о различии между сном и бодрствованием: «Надо отвергнуть сомнение, касающееся сна, который я не мог отличить от бодрствования; ныне я понимаю, что между тем и другим состоянием есть огромная *разница...*». Декарт хорошо понимает, что два плюс три равно пяти. Эта истина срабатывает как во сне, так и наяву. То есть на языке математики нельзя различить сон и явь. И на языке философии их нельзя различить. Мысль эта, говорит Декарт, «повергает меня в оцепенение». Что делать? Если мы не различаем сон и явь, то мы являемся вечно заблуждающимися существами, мы вечно спим. Бог нас создал *сонными*. Но кто же сможет разбудить человека? Только тот, кто сумеет *различить* сон и явь. Различить сон и явь – значит *войти в сознание*. **Реальность** – это следствие вхождения человека в сознание. А **сознание** – это учреждение границы между сном и явью. Иными словами, речь вообще не о различении, а о *конституировании* этой границы: нужно стать *причиной* этой границы.

С чего начинается Декарт свои «Размышления»? С идеи неразличения сна и яви. Чем он их заканчивает? Попыткой их различения. Но это различение, правда, не выдерживает критики. *Во-первых*, Декарт полагает, что память никогда не сопрягает сонные видения с остальной нашей жизнью. То есть он относит память к сознанию (почему?). Но память относится скорее к интеллекту. В ней невозможно соединение чувственного и сверхчувственного. Но это суждение противоречит практике предсказаний, которые основываются на связи реальной жизни со сновидениями. То ли мы видим то, что должно быть, то ли это случается потому, что мы видим. Однако, мы многое можем почерпнуть из сноведений. Человек может сопрягать сны с жизнью. *Во-вторых*, Декарт ссылается на то, что во сне что-то неожиданно возникает и также внезапно исчезает. Поэтому человек не может рассуждать во сне, опираясь на: откуда оно, куда, что это и т.д.. Однако, можно работать и с этим, к примеру, записать сон и размышлять о нём наяву, делать выводы. Всё, что возникает неожиданно, Декарт называет привидениями, *призраками*, а не реальностью. Но стоит сказать, что некоторые из этих призраков настолько важны, что становятся условием существования человека в обществе, в коллективе и т.д. Суждение Декарта опровергается существованием так называемых устойчивых сновидений.

В «Размышлениях о первой философии» Декарт задает вопрос: что есть человек? И отвечает на этот вопрос так: «Скажу ли это я, что это – *живое разумное существо*? Нет, ибо тотчас же вслед за этим возникнет вопрос: *что это такое* – живое существо и что такое разумное? – и так я от одного вопроса соскользну ко множеству еще более трудных; между тем я не располагаю досугом, чтобы растрачивать его на подобные тонкости». Но мы уже говорили о том, что живое не имеет однозначного отношения к разумному.

Дело в том, что человек помещён в мир странных мгновений, вброшен в *данный момент*, а не в следующий. Перешагивать в следующий момент человеку позволяет *цель, надежда и чувство реальности*. А что же такое реальность? Возьмём в помощники *Ницше*, который говорит об истине как о *практически оправданном заблуждении*. Нужно что-то изменить в способе философствования, либо чтобы обойти эту проблему, либо поставить другую. Учёный тоже имеет дело с относительной истиной, поэтому он не сможет отличить призрак от реальности, как бы ему этого не хотелось. Он обречён жить в мире призраков.

Человек *рождается* из грёзы, и всё, что у него есть – **галлюцинация**. Остальное – это бесчувственная среда. Но сознание – это также врата *смерти*. У других существ в этом смысле вообще нет смерти. Ворона не думает о том, что будет завтра, у неё нет сожаления о прошлом.

Нельзя понять, что такое сознание, не ответив на вопрос «**что есть человек?**». Но для ответа на этот вопрос у Декарта нет времени. Вопрос о человеке так и остался без

ответа в европейской философии. Тем самым, можно предположить, что европейская философия вступила в этап своего завершения. Натуралистские попытки решить проблему человека - беспомощны, потому что они опираются на неправильную постановку вопроса.

Во втором рассуждении Декарт исходил из того, что в бодрствовании нет ничего такого, что бы мы не ощущали во сне. А поскольку во сне ощущения исходят не от внешних вещей, постольку идея существования внешних вещей и самого состояния бодрствования становилась сомнительной. Что нам дает идея тождества сна и яви? Она *либо все делает сном, либо все делает явью*. Если все сон, то тогда вступают в работу законы эволюции, которые исключают существование сонных органических существ. Если же все явь, то тогда невозможно существование человека. И в том и в другом случае человек оказывается исключённым. Каков же выход? Европейская философия нашла выход в дисквалификации субъекта и идее «смерти человека».

Лекция 10. Безумие и воображение

В прошлый раз мы не закончили разговор о *Декарте* и его трактовке раздвоенного существования человека. Он отделил *протяжённое* от *мыслящего*, получив проблему различения сна и яви. Эта проблема, в свою очередь, влечёт за собой проблематичность ответа на вопрос о том, **что такое реальность**. А если ты не можешь ответить, что такое реальность, то ты не можешь быть *учёным*. Каждый естествоиспытатель уверен в том, что может оделить *фикции* от того, что *действительно есть*. Стоит признать, что это, конечно же, предрассудок.

Кроме того, перед Декартом возникла **проблема безумия**. Много лет спустя М. Фуко даже напишет книгу «История безумия в классическую эпоху». У самого Декарта было две модели человека. Согласно первой из них, *Я* - это такая вещь, которая необходима для того, чтобы вообще *иметь возможность что-то знать*. Оно не нуждается в теле, в чувствах. А когда мы не нуждаемся в знании, работает другая модель - *целостное Я*, которое связано с чувством реальности.

Спор между Фуко и Деррида

В связи с этим контекстом у Декарта, во Франции впоследствии возникнет дискуссия между *Фуко* и *Деррида* о безумии, сне и злокозненном гении. Смысл полемики сводится к вопросу о том, может ли кто-то указать, что вот это - *безумие*, а это - *ум*. Забегая вперёд, можно сказать сразу: никто не может различить их достоверным образом. Более того, чем безумнее мысль, тем лучшее, и в ней кроется больше ума. Однако, обратимся к дискуссии.

Фуко, как я уже сказал, написал книгу под названием «История безумия». Деррида написал на нее рецензию под названием «Cogito и история безумия». Фуко ответил на рецензию размышлениями под названием «Мое тело, эта бумага, этот огонь». Приведённое название – цитата из «Размышлений о первой философии» Декарта, где он говорил о том, как сидит перед камином.

Здесь стоит сделать отступление, вспомнив о том, что **философия** - это вообще некая сознательная форма сумасшествия. Всегда трудно обозначить тонкую грань между сознанием и безумием в философии. *Сознательность* здесь - скорее защитная мера против санкций со стороны общества.

Итак, *Фуко* считает, что Декарт в «Размышлениях о первой философии» удаляет безумие из круга философии. *Деррида* полагает, что безумие проникает в структуру самой мысли, то есть что мы не можем сформулировать мысль таким образом, чтобы она

была полностью разумной. Если я *мыслю*, говорит Фуко, то я *не безумен*. Cogito не может быть безумным. Фуко решил написать *историю самого безумия*, а не историю того, что о нем говорил разум. А поскольку язык безумия – это **молчание**, постольку Фуко задумал создать *археологию молчания*.

Но это исследование, говорит Деррида, и есть безумная затея. Никто не может дать безумию возможность высказаться. **Безумие** – это то, что не высказывается. Фуко хочет устроить *революцию разума внутри самого разума*. Безумие – это не ошибка тела. Каждый, кто мыслит, призывает безумие в свою мысль. Тем самым философ в своём языке *удерживает безумие на расстоянии*, чтобы спасти себя от фактического безумия.

Я мыслю, говорит Деррида, даже если я безумен, даже если бессмыслица захватила весь мир целиком, в том числе и мою мысль. Иными словами, эта мысль называется *грёзой* или *галлюцинацией*. У сознания только одна цель – придавать смысл бессмысленному миру. Я существую, пока я мыслю. Отсюда следует, что Я или когито не выступает гарантом мысли: оно распадается на ум и безумие. Субъект получает дисквалификацию перед лицом злокозненного гения: каждый несёт в себе своё безумие. В этом смысле Деррида приближается к мысли *Достоевского* в понимании расщепления Я. Исключая безумие, философия предает саму себя как мысль.

Фуко отклоняет решение Деррида о дисквалификации субъекта, полагая что идея злокозненного гения (возникающая у Декарта) придумана субъектом. «Эпизод появления злого гения, – считает Фуко, – является *сознательным упражнением, контролируемым*, подчиненным и осуществленным от начала до конца *размышляющим субъектом*, который никогда не позволяет себя застать врасплох». Субъект тем самым стоит выше злокозненного гения, он манипулирует им. Это не сумасшествие, но сознательная деятельность субъекта.

Полемика между Фуко и Деррида происходит в поле, открытом европейской философией, в котором не различается человеческая мысль и мысль вообще, которая, в свою очередь, мыслится вне связи с тем, что мыслит человек. Но на мой взгляд, это грубейшая ошибка, ведь мыслить может только тот, кто галлюцинирует. Фуко говорит: я мыслю, размышляю, я существую, и неважно, бодрствую я или сплю. Деррида говорит: безумен я или не безумен, я мыслю, я существую. И неважно, равно два плюс три пяти или не равно. Согласно Фуко, если мы ставим под вопрос субъект, то нам надо заниматься человеком. А это катастрофа для европейской философии, ее впадение в антропологический сон. Согласно Деррида, если мы не согласимся с тем, что безумие входит в структуру мысли, тогда нам нужно будет смириться с присутствием в мире человека-алгоритма, искусственного интеллекта.

Ближайшее следствие такого “*антропологического сна*” – сегодняшнее стремление к распространению сознания на широкий класс живых существ. Дело в том,

что эта позиция полностью игнорирует существование **сенсориума галлюциноза**, который обеспечивает существование во времени. Где вы видели орган, отвечающий за время? Чувство времени определяется *целями, верой и возможностью надеяться*.

Фигурный синтез Канта и двойственное существование

Мы рассмотрим 24-й параграф “Критики чистого разума”, где *Кант* обсуждает вопрос о применении категорий к предметам чувств. Исследуя происхождение образов, мы неизбежно приходим к выводу о том, что есть два источника образов: 1) *внешние* предметы и 2) *внутренние*. Внешние воспринимаются *в пространстве*. Внутренние – *во времени*. Кант пишет: «**Чувственное созерцание** есть или **чистое** созерцание (пространство и время), или эмпирическое созерцание того, что через ощущение представляется в пространстве и времени непосредственно как действительное».

Сегодня, на мой взгляд, весь блок естествознания пытается оттолкнуться от того, что изучалось, от онтологии *внешних вещей*, чтобы подступиться к исследованию *сознания* и его специфических черт. Это крайне радикальный шаг, провоцирующий новые вопросы и проблемы. Среди них пресловутые рассуждения об искусственном интеллекте, биоэтике и тому подобном. Все эти рассуждения блокируют действительно значимое **исследование субъективности**. Человек с помощью сознания придаёт существования предметам внутреннего чувства. Применение категорий к предметам внутреннего чувства есть грубая ошибка. Кант это прекрасно понимал. Наука предполагает, что мир вывернут наизнанку и не имеет некой скрытой от её взгляда стороны. Это, отнюдь, не так.

Что же значит *быть действительным во времени*? Это значит не быть вещью и одновременно быть в следующий момент времени посредством надежды или веры. Предметы чувств значимы для чувств. Но не для рассудка. Вообще-то, рассудок не может воздействовать на чувство, не может определять его. Для этого ему нужно стать чувством. А это невозможно. Греки говорили, что надо учитываться властвовать над своими страстями. Но **аффект** - это последний рубеж человечности. Чтобы обмануть чувство, рассудку нужно «переодеться», показать себя *воображением*. А воздействует на нас хитрый рассудок «под названием **трансцендентального синтеза воображения**» или **фигурного синтеза**. Почему воображение? Потому что мы можем представить предмет и в его отсутствие. То есть **воображение** – такая спонтанность, которая как чувственность даёт предмет. И одновременно она, подобно рассудку, определяет предмет. Тогда как чувство всегда пассивно. Безликий рассудок действует для нечеловеческих форм созерцания, он относится к предметам созерцания вообще. И у животных тоже. Правда, эти предметы для них не являются, а существуют. А вот у человека всё меняется => Предметы нашего созерцания не существуют, а являются. И

нам нужен **фигурный синтез сознания**, а не вообще интеллектуальный синтез чувственности.

Отметим здесь, что главная слабость *интеллекта* состоит в том, что он не различает предмет и тень от предмета. Лишь работа *сознания* обеспечивает это различие.

Однако здесь возникает *парадокс*. Не может быть так, чтобы наша душа чувствовала, а предметы чувств были не такими, какими она их чувствует. А это значит, что они не явления, а вещи-в-себе, которые нам даны, потому что мы учредили их сами. Но Кант уже объявил, что внутреннее чувство представляет нас самим себе только так, как мы себе являемся, а не так, как мы на самом деле существуем.

Разрешить этот парадокс Кант попытался при помощи следующего утверждения: мы созерцаем себя так, «как мы внутренне подвергаемся воздействию». Что же на нас воздействует? И почему мы не теряем свою активность? **Внутреннее чувство** – это множество образов. Однако в этом множестве ещё нет связи между образами. Оно не сознание, чтобы быть способным связать их *во времени*. Эту связь внутреннему чувству помогает создать фигурный синтез, воображение. И Кант приводит примеры. *Мыслить* линию – значит *провести* линию. Линии не было, но она появилась.

Точно также, *мыслить* окружность – значит *описать* её, произвести. *Мыслить* время – значит *провести* прямую, прибавляя к точке точку. Но Кант, увы, ограничивается геометрией. А ему нужно было ответить на вопрос: **что значит мыслить себя?** Более того, что значит внутренне воздействовать на себя? Какую для этого нужно провести линию? Какое создать действие? «Этот вопрос, – пишет Кант, – столь же труден, как вопрос, каким образом я вообще могу быть для себя самого объектом, а именно объектом созерцания и внутренних восприятий». Мы можем сказать, что мы можем относиться к самому себе благодаря **раздвоенности**.

Кант не ответил на вопрос о том, каким образом «Я», которое мыслит, отличается от «Я», которое само себя созерцает, полагая, что они совпадают, будучи одним субъектом. Но это совпадение и является той проблемой, которая заставит отказаться от понятия субъекта.

Кризис понятийного мышления

Следует резюмировать этот разговор о Достоевском, Канте, Фуко и Деррида. Понятийное мышление возможно о вещах, об объектах. **Человек** – это *отношение к самому себе*. В основе этого отношения лежит **самость**. Но самость не существует как «что». Она нам дана прямо и непосредственно. Например, наше «Я» не из реальности, но из мира данного и существует как обозначение того, чего нет. Но вообразить его

нельзя. Потому что вообразить «Я» – значит дать начало существованию своего *двойника* => Понятийно выразить отношение к самому себе также невозможно из-за субъективности этого отношения. Голядкин захотел вообразить себя и вообразил. Это мнимость, которая стала реальностью. И наша жизнь, жизнь в качестве человека, всегда определяется *игрой* таких *мнимостей*.

При повороте наук к исследованию человека обнаруживается **кризис понятийного мышления**. Суть его состоит в том, что наука теряет то, за что она крепко держалась. При повороте к субъективности исчезает понятие реальности. Поскольку человек живет в мире кажущихся вещей, постольку ни одной вещи нельзя придать статус вещи, не наделяя её кажимостью. Нереальное может быть *действительным*, а реальное – *недействительным*. Действительное учреждается, а реальное как вещь - наблюдается.

Ещё недавно мы думали, следуя за *Спинозой*, что понять – значит построить предмет. Но время Спинозы, который научил нас строить понятие круга, прошло. Не знание – критерий существования сознания, а **вера**. В мире есть такие вещи, которые существуют, если мы относимся к ним как к чему-то действительно существующему. И построить предмет знания о них невозможно. За вещами мы наблюдаем, *кажимости нас раздваивают*. Вещи мы ощущаем, кажимости нам даны.

Чтобы составить понятие человека, нам уже не надо обращаться к циркулю с двумя ножками. **Понять** – это больше не значит построить предмет. Можно построить паровоз, но нельзя построить красоту. Потому что красота неотделима от чувства красоты. А чувство является очень зыбким, стирающим границу между вещью и видимостью. Гений советской психологии *Выготский* хотел построить человека, как строят любой предмет. Но его психологический спинозизм оказался чудовищной ошибкой. Действительное оказалось нереальным.

Понять человека – это не значит выразить его в понятии как вещь. **Понять** – значит принять участие, перестать быть наблюдателем, ибо за наблюдателем всегда наблюдает другой наблюдатель. Не Другой несет в себе истину человека. **Другой** – это всего лишь навязанное социумом тождество с самим собой. **Быть человеком** – значит убить в себе Другого, открыть себя несовпадению с собой как источнику творческого энтузиазма. Понять человека – значит дать ему возможность быть самим собой в его раздвоенном существовании.

Воздействие души на тело

Когда говорят о воздействии души на тело, обычно подразумевают некую *корреляцию* между импульсами сознания и действиями тела. Но это скорее дрессировка

животных. А человек подчиняется ещё легче - через *суггестию языка* и его инструкций. Жить в социуме - значит быть дрессированным.

“Пресловутая проблема *общения* между мыслящей и протяжённой сущностью сводится, если устранить всё воображаемое, к вопросу о том, как вообще возможно в мыслящем субъекте внешнее созерцание, а именно созерцание пространства”, - пишет Кант в “Критике чистого разума”. Декарт оставил нам две субстанции. Здесь надо обратить внимание на то, что проблема заключается в самой возможности созерцания пространства (вспомните кантовский четырёхугольник, завершающийся постановкой вопроса о человеке - в этом сущность философии). Таким образом, представленный в ином виде, этот вопрос звучит так: “**что может знать человек, если он является греющим существом?**”. Человек извлекает самого себя *из галлюцинации*, а не из культуры, труда или социума.

Наряду с этим есть также вопрос “**на что я могу надеяться, будучи причиной самого себя?**” Оба вопроса предполагают ответ, что только потому, что есть некие внутренние созерцания, могут быть возможны внешние созерцания. Но если мы устраняем воображаемое, то будут играть ключевую роль предметы представлений и видимости. Кант пишет так: “...на этот вопрос ни один человек не способен дать ответ; этот пробел нашего знания никогда не может быть восполнен, его можно только обозначить, приписывая внешние явления *трансцендентальному* предмету, который составляет причину этого вида представлений, но о котором мы ничего не знаем и никогда не будем иметь никакого понятия”. В этом бесконечном *тупике* сегодня оказалось множество самонадеянных естественных наук. Если от мыслящего субъекта остаётся только *физиология органов чувств и мозга*, то дать ответ на поставленный вопрос не представляется возможным.

Мы можем вскрыть черепную коробку и обнаружить в ней мозг, но мы никогда не найдём там созерцания внешнего пространства, также, как и созерцания предметов внутреннего чувства. Следовательно, нужно менять подход к проблеме общения между мыслящей и протяжённой субстанцией, отказываясь от *дуальных* сущностей и вводя в рассуждения нечто третье. Что это за третий элемент? **Воображаемое**. Как мы говорили ранее, воображение является *общим корнем* чувственности и рассудка. Чтобы созерцать, нужно воображать.

Согласно Канту, “в пространстве есть только то, что о нём *представляется*”. И далее он пишет: “Мысль, что вещь может касаться *одного представления* о ней, должна, конечно, казаться странной”. Как мы говорили ранее, *представление, воображение и учреждение* - это спектакль. Обычно мы говорим: надо *анализировать*. Но чтобы что-то анализировать, надо вначале *синтезировать*. Анализ предполагает то, что уже связано. Что связано, то и может быть представлено. Или другой пример: истина есть *открытие*

потайного (алетейя). А что предшествует этому показу? Такой истине предшествует истина как *потайное* (мистерия). Без мистерии невозможна алетейя.

Думать значит давать существование объектам мысли. Таким образом, чтобы созерцать протяжённость, нужно, чтобы уже прошла некая работа по наделению этого представления реальностью. Почему эта мысль кажется Канту странной? Он подмечает, что *цвет* и *звук* - это не свойства тела. Одно принадлежит чувству зрения, другое - чувству слуха. Отсюда следует, что “общение души с телом возможно только на основе **трансцендентальной видимости**, а не напрямую”.

Кант разделил бытие на две части (феноменальную и ноуменальную), но вынужден был разделить также и философию на *теоретическую* и *практическую*. В первой части развивается познавательная способность, где царит *рассудок*, а в другой - способность желания, где присутствует *разум*. Последний завязан на *произволе*. Иными словами, **разум, воля, свобода, произвол** - это взаимоположенные вещи.

Рассудок учреждает природу сообразно законам, а разум имеет дело с человеческой свободой и волей. Что связывает разум и рассудок? **Способность суждения.** Это учреждение того *общего*, под которое может быть подведено нечто *конкретное* и единичное. Учреждение предполагает **желание**, которое даёт существование объектам. Здесь проявляется *каузальность разума*. Продуктами разума являются, в частности, *искусство* и *философия*.

А что связывает желание с познанием? Чувство удовольствия. Удовольствие *нельзя определить*, но *можно почувствовать*. Вы не можете ошибаться в своём сознании, когда вы говорите “это хорошо”, даже если это всем не нравится. Суждение “мне нравится” является достоверным для внутреннего чувства. Но мы можем *сказать не то, что думаем*, поскольку **язык** - то орудие, что позволяет *солгать*, поскольку является средством хитрости рассудка.

В “Критике способности суждения” Кант проясняет свою дефиницию желания. Это пояснение является одним из самых важных в философии вообще. Способность желания Кант понимает «как способность быть посредством своих представлений причиной действительности предметов этих представлений...». Что из этой дефиниции следует? Что посредством своих грёз я делаю действительными объекты этих грёз. Вернее, наделение объектов грёз действительностью делает нас теми, кто мы есть. Оно создает нас, людей.

Создаёт нас благодаря чему? Благодаря пустым желаниям и энергии неудержимых стремлений заполнить эту пустоту. Если бы не было пустых желаний, то не было бы у человека и разума, каузальность которого проявляется в искусстве и морали. *Пустые желания* обманом переводят нас из мира природы в мир сверхчувственных объектов, в мир свободы.

Чтобы быть причиной реальности объектов своих представлений, нужна ещё одна черта: человек непременно должен вступать в противоречие с самим собой. Если человек не делает этого, он является автоматом, не имеющим желаний, потому что желать значит быть раздвоенным.

Лекция 11. ИИ и этика

Заход моей сегодняшней мысли будет проходить через рассуждение о *биоэтике*, *этическом кодексе* и *искусственном интеллекте*. Надо сказать, что я отношусь с подозрением ко всем вышеперечисленным моментам. Этот разговор будет встроен в общую канву наших рассуждений об **интеллекте**.

Биоэтика и отношение к животным

Этика – это правила поведения человека в *галлюцинаторном мире*. В *природном* мире таких правил нет. Я начну обсуждение этического кодекса с *отношения человека к животным*. Как мы относимся к животным? Мы к ним относимся как к *природе*. Мы по одну сторону, они – по другую. Они – это "фюсис", мы – это *субъективность*. Они живут в вечности, мы – *во времени*. Что из этого следует? То, что животные умирают, но у них нет смерти. У нас есть смерть, но мы *сингулярны*. То есть повторить нас еще раз вселенная не может. Для этого *недостаточно* полноты взаимодействия всех ее субстанций и причин. Иными словами, *не всё в мире можно объяснить* с помощью фюсис, как считали греки.

Что для этого ещё нужно? Для этого должно случиться *невозможное*: **извлечение человеком самого себя из галлюцинации**. Но *вселенная не производит галлюцинации*. Причина их существования, опять-таки, коренится в *человеке*. Только сегодня мы поняли, что не труд создал человека, а воображение. Тогда как животному, чтобы быть, достаточно природы, того, чтобы сработал его генетический код.

Животные обживают пространство, они умеют размечать территорию, оставляя повсюду части самого себя – пот, слюну, шерсть, фекалии и т.д. *Человек живёт за пределами природы во времени*, собирая себя из того, чего нет, но что дано ему воображением. Когда-то Кант не советовал людям уподоблять себя животным и оставлять пространству части самого себя, полагая, что это было бы бессмысленной тратой человеческих сил. Как же нужно тому, кто живет во времени, *относиться* к тому, кто живет в пространстве? С животными, говорил Делёз, нужно иметь *животные отношения*. И я с ним согласен. Добавлю лишь, что только с человеком нужно иметь человеческие отношения, хотя люди могут быть хуже животных. Между человеком и животным не может быть человеческих отношений, ибо человеческие отношения *двусторонни*.

Отношение к животным определяется *не моралью, а природой*. Но это не значит, что нужно выдергивать из овец шерсть, как когда-то делали в Ирландии. Их можно просто стричь. И не надо крепить плуг к хвостам лошадей, ибо их можно запрягать. Равным - равное, неравным - неравное. У животного патологическая *зависимость* от внешней среды. Зимой в тайге они могут мерзнуть, но из сострадания к ним мы не можем отапливать тайгу. Животные чувствуют боль, но *иначе*, чем люди (мы *знаем* о боли). Но что из этого следует? То, что это у них чувство встроено в пищевую цепочку биосферы, где всегда кто-то кого-то ест. Люди без мяса, говорил *Шопенгауэр*, будут страдать больше, чем животные, которых ведут на бойню.

Была одна страна в Европе, которая почти преодолела разделение людей и животных. Это нацистская Германия. В ней запретили охоту на животных и поощряли вегетарианство. Но часть людей *приравнивалась* к крысам и свиньям, тогда как другая часть равнялась волкам и орлам. Человек всегда свободен, даже тогда, когда не отделяет себя от природы. Конечно, животное – это не насекомое. Несправедливо относиться к животным, как к насекомым, и, наоборот, к насекомым – как к животным. Отношение человека к насекомым не регулируется правилом. По отношению к *домашним* животным нужно *придерживаться правил*.

Прежде всего, надо учитывать, что домашнее животное – это *дрессированное* животное. Но дрессировка не отменяет *инстинкт*. К домашним животным нельзя относиться так, как дети относятся к игрушкам. Как дети относятся к игрушкам? Они относятся к ним как к *объектам воображаемого*. Куклы подтверждают правило, которое гласит, что человек всегда больше, чем один, если даже он один. В игре дети обживают *мир призраков*. Для них это зона привыканий => Здесь у них появляется *привычка видеть то, чего нет*. Поэтому по отношению к игрушкам у человека *нет никаких моральных обязательств*. Хочешь - играешь, не хочешь – не играешь с куклами. Вырос – выбросил их. Остальное инфантилизм. И главное человеку *не пропустить период взросления*. Вот и все обязательства.

Животные – это не куклы, хотя люди иногда относятся к ним, как дети к куклам. Разговаривают с ними и обижаются на них. Можно ли издеваться над животными? Нельзя. Но не потому, что они переживают боль, не потому что у них есть сознание, а по *педагогическим* соображениям. Издеваться – значит унижать. Животное нельзя унижить. Издевательство указывает на неустрашимые изъяны в природе человека. Этот изъян Кант назвал **асоциальной социальностью** в человеке. Этот *парадокс* (который выражен в вопросе о том, как асоциальное существо могло создать социум) объясняет предъявление претензий к общественной жизни. Все остальное - предрассудки учёных.

У нас *нет* перед животными *моральных обязательств*. Нельзя уважать лошадь за то, что она лошадь. Но и убивать ее из-за того, что она потребляет кислород и выделяет

углекислый газ, тоже нельзя. Не нами установлен круговорот веществ в природе. Пусть совершится то, что имеет причину в себе, а не в нас. Зачем была придумана *биоэтика*? Затем, чтобы доказать, что у нас есть *моральные обязательства* перед нашим телом. Но *тело – это природа*. Какие могут быть обязательства у нашего Я, если это Я существует лишь как обозначение того, чего нет в природе?

Тот, кто встроен в инстинкт, не может иметь права. Мы с телом единое существо. Это *единство* дает нам чувство самого себя. Пригодилась ли нам биоэтика во время пандемии? Нет, о ней даже никто и не вспомнил. Делать мне прививку или не делать, решает не биоэтика, а *власть*. Но *чувство свободы* выше всякой власти. Биоэтику учредили для того, чтобы преодолеть разрыв между миром природы и миром свободы.

Что лежит в основе этой попытки? Идея тождества субстанции и субъекта. Что это такое? Это то же самое, что и преодоление **разрыва** между животным и человеком (которое имело место в Германии). Что стала делать биоэтика? *Растворять субъект в субстанции*, ибо перепрыгнуть *пропасть* между природой и субъективностью невозможно. Чтобы замаскировать эту невозможность, биоэтика пытается *определить границу технического отношения* к нашему телу. Может ли кремний заменить углерод в нашем организме? Может, если при этом сохраняется организм.

Биоэтика не знает, что органика хороша тем, что может *галлюцинировать*. А кремний не может. Кремниевые технологии не знают, что им делать с галлюцинациями человека => На самом деле предел технического отношения человека к самому себе состоит в требовании сохранить художника в человеке и в посткарбоновую эпоху, ибо человек рождается *художником*, а не скотоводом.

Нужен ли этический кодекс искусственному интеллекту?

Теперь об *этическом кодексе* для искусственного интеллекта. Этот кодекс возникает в головах напуганных *алгоритмом* интеллектуалов. Они не знают, как им жить в мире *умных вещей* и как им сохранить свою *субъективность* в приватизированной нечеловеческим интеллектом *когнитивности*. Когнитивным машинам не нужен машинист: редактор, учитель, дизайнер. Текст редактирует себя сам, но хотим ли мы, чтобы компьютер правил нам наши мысли?

Мы, видимо, плохо себе представляем, чем сознание отличается от интеллекта. **Органический интеллект** – это вычислитель (мозг и нейронные сети). Этот интеллект – **продукт эволюции**. Что он может делать? Он может обеспечивать *отношение* организма к *окружающей среде*. Этим все и ограничивается. Глупо думать, что мозг – это сознание. *Мозг* – это не сознание, а *машина*, рассылающая свои электрические

сигналы по всему организму. **Сознание** – это не электричество. А что это? Это **способ, которым человек учреждает свое существование во времени.**

Давайте послушаем вновь *Канта*, который говорит, что **разум** – это способность человека расширять свои цели за пределы природного инстинкта. То есть **сознание** – это **расширение человеком реальности за пределы природы**. Интеллект считает и подсчитывает, сознание расширяет реальность, вот в этом и состоит их отличие.

Что не может делать органический интеллект? Он не может *реагировать* на то, что находится *за пределами природы*, на *сверхчувственные* вещи. Чтобы эти вещи возникли, нужно *грезить, воображать*. Наш мозг плох тем, что он не видит различия между объектом грёз и предметом чувственного восприятия, *символом* и *вещью*, между вещью и ее тенью. А это значит, что естественный интеллект не может и никогда не сможет поставить цели и принять решения. Почему не может? Потому что у него **нет способности суждения**.

Способности суждения, к сожалению, нет у многих людей, как и нет сознания. Есть *сознание*, которого достаточно для *узнавания* объектов, но есть также *сознание*, которое позволяет *синтезировать*, то есть *учреждать объекты*. В чем состоит эта способность? Она состоит в том, чтобы найти такое общее, к которому можно было бы подвести что-то конкретное. Способность суждения должна быть у программиста или у владельца технического изделия, прошедшего машинное обучение. А если у них нет этой способности суждения, то для них нужно разрабатывать не этический, а уголовный кодекс. В столкновении искусственного интеллекта с человеком всегда *прав человек*. Реализация этих прав и должна быть закреплена в уголовном кодексе. Если *автопилот* самолета ошибся и погибли люди, то *уголовному*, а не этическому наказанию должен быть подвергнут *владелец* самолета и *разработчики* программ машинного обучения. Искусственный интеллект, как и насекомых, нельзя сделать домашним. Почему? Потому что для него не существует звука, цвета и запаха. Поэтому нельзя превращать искусственный интеллект в сказочный образ, репрезентирующий человеческие отношения. Искусственный интеллект потому и искусственный, что он не имеет никакого отношения к психическому. Хотя *психическое*, в свою очередь, не имеет никакого отношения к сознательному. **Этика искусственного интеллекта невозможна по простым соображениям. Прежде всего искусственное – это не существо.**

В 19 веке *Хомяков* (наряду с *Киреевским* и другими) был в числе тех, кто пытался «создать» философию в России. На выставке в Лондоне он представил некое устройство. Будучи в Англии, он заметил одну местную особенность: англичане при застройке квартала обошли растущее дерево. *Хомяков* заметил по этому поводу, что «*всё сделанное должно иметь почтение к тому, что растёт и выросло*».

Так вот, искусственный интеллект – это *то, что сделано*. То, что сделано, *не мыслит*. У него нет ни сознания, ни прав. Оно должно иметь почтение к тому, что растёт. То, что не имеет воли, находится *вне морали и вне социума*. Искусственное может быть изделием, *машиной*. Ни о какой интеграции инженерной системы в общество не может быть и речи, ибо машину можно интегрировать только в *систему машин*. Поэтому не существует никаких моральных проблем во взаимодействии человека с машиной.

Любой искусственный интеллект, обнаружив в себе изъян, должен *самоликвидироваться*, и его разработчики не имеют права морочить голову людям. Чем хорош искусственный интеллект? Тем, что он показал, что ничего человеческого нет в том, что обычно делают люди, ибо делают они работу алгоритмическую. **Алгоритм – для роботов, а человеку – неалгоритмизуемое.**

Оказывается, что даже *право на труд* – это теперь не ценность, а *способ дрессировки* человека социумом. То есть человек ещё не был человеком, а был лишь простой социальной сущностью, которую легко может заменить инженерный искусственный интеллект. Что это значит? Это значит, что *аффект* является последней территорией человеческого и человеку еще предстоит стать человеком.

Теперь мы поговорим на тему того, что *современное философское мышление*, выстраивая себя по меркам *научного объективизма*, во-первых, перестаёт быть *философским*, а во-вторых – вообще быть *мышлением*. «Наука – самая себе философия», - думают сегодня многие учёные, пытаясь по ходу дела решить так называемые общие вопросы: о сознании и о субъективности.

Ответы на эти вопросы разделили учёных и философов на два лагеря: с одной стороны – *Павлов* с собаками, а с другой – *Мещеряков* с глухонемыми. Павлов полагал, что *сознание* – это *интеллект* (выраженный в функционировании нервной системы). Мещеряков полагал, что *сознание* – это *идеальное*, выраженное в действии человека. Кто из них был ближе к объяснению того, как рождается в человеке идеальное?

Дубровский полагает, что всё дело в мозге. Ученики *Ильенкова* полагают, что всё дело в действии с предметами. До сих пор не ясно, как мы, по словам Бродского, «*обрели дар речи в глухонемой вселенной*». Не ясен даже характер разрыва внутри самой жизни. Мы не знаем, откуда взялась субъективность. Мыслить *природу*, значит полагать *причину в вещах*. А мыслить *субъективность*, значит полагать *причину в произволе человека*. Разум – это и есть произвол.

Как одно соединяется с другим? *Дионисийцы* полагали, что вихрь творит мир. *Платон* полагал, что мир творится Богом. У *Анаксагора* ум приводит в движение материю. Но он не объяснил, как это удаётся уму? *Стоики* решили, что всё материально,

а идеального вовсе нет, иначе человек бы не смог бы дать ход своему телу. Зачем же нам нужно *нетелесное*, если оно *не может воздействовать* на телесное? *Античная философия* кое-что *упускала* из виду: то, что, с одной стороны, *живое существо эволюционирует*, а с другой стороны, человек – это ничтожная его *часть этого живого существа*, которая почему-то *галлюцинирует*. В первом случае работает *механизм приспособления* к реальности, а во втором – *механизм созидания самой реальности*. Так думали, отчасти, *Зинченко и Мамардашвили*.

Ещё несколько рассуждений, касаемо ваших вопросов. С точки зрения философской антропологии, если нет бога, то нам *ничего нельзя*. А если есть бог, значит нам *кое-что можно*. В этом смысле бог – не всемогущее существо, но **режим самоограничения** человека. Был пример *Дионисия Ареопагита*, который показал, что в мире нет ничего, кроме бога и вещей, поэтому связывать и объяснять их – неблагодарное дело. Дело в том, что наиболее адекватным способом говорения о боге является так называемое апофатическое богословие. Иными словами, у нас *пространственно-временной язык*, поэтому мы не можем положительно высказываться о природе бога.

Хайдеггер выразился по этому поводу в одном из интервью (опубликованных уже после его смерти), сказав, что наш язык закончился *в античности*. Другой язык, возможно, появится, *если даст бог*. Речь идёт о том, что мы настолько заблудились в словах и делах, что уже практически ничего нельзя исправить. **Человек** – это **способность решиться** на что-то, но мы *не решимся*, поэтому *только бог может нас спасти*. Отношение Хайдеггера к богу неоднозначно, но оно *акцентирует* радикальную *сингулярность* появления человека и его судьбы.

Что понимается под словом разум?

«Мы – это мозг», - говорит голландский нейробиолог Д. Свааб. Ему возражает немецкий философ М. Габриэль, говоря «я не есть мозг». Кажется, что эти утверждения противоположны. Первое возвращает нас к *материализму*, второе – к немецкому *идеализму* 19 века. В первом случае мы исходим из того, что *мозг выделяет мысль*, а во втором случае *человеческое растворяется в духе, в социальности*. М. Габриэль говорит: «В содержании нашего сознания всегда есть что-то, чему мы обязаны контактом с другим сознанием».

Что *объединяет* эти два на первый взгляд противоположных взгляда? Они *оба* подразумевают, что субстанция и субъект - тождественны. Иными словами, человек признаётся *частью природы*. Но человек не часть природы, он выпадает из неё и есть всё то, что не есть природа. Каким образом, мы уже обсуждали с вами – извлекая самого себя

из галлюцинации. Тождество субъекта и субстанции указывает на пресловутую *всеохватность* и *всеобщность законов природы*, которые делают всё сущее *воспроизводимым, повторяемым* по этим законам. Но выделить в природе человеческое невозможно.

Дело в том, что тождество субстанции и субъекта является теоретическим базисом для анти-антропологизма всей западноевропейской философии. Европа научила нас *понимать природу*, но обусловила наше полное *незнание человека*. Что же можно противопоставить этому тождеству? Не отказ от человека, ибо отказ от субъекта ведёт к наивному *натурализму* или *трансгуманизму*. Не *марксовскую* уверенность в том, что настоящим субъектом истории был *не человек, а капитал*, но анти-антропологизму следует противопоставить позицию **радикального разрыва субстанции и субъекта**.

Почему разрыв? Потому что только так мы можем говорить о человеке вне связи с субстанцией и наоборот, о субстанции вне связи с человеком. Человека нужно мыслить не вообще, не как часть природы, не как то, что принадлежит бытию, а только как *небольшую часть живого вещества*, с одной лишь оговоркой: **быть живым ещё не значит быть мыслящим**. Живое *целесообразно безо всякой цели*. Что есть в природе целесообразность? Это **форма**, которая по своей сути целесообразна.

Даже искусственный интеллект вырастает из нашего естественного формализма. Гуссерль называл *арифметику* чудесной машиной, в которой есть правила. Теперь же функцию *счетовода* (интеллекта) делегировали *цифровой машине*. Это разумная целесообразность, но этой разумности не предшествует субъективное полагание целей. А *целесообразность без цели* ничего не может сказать о *порядке галлюцинаций* в мире человека.

Сегодня между природой и человеком стоит пятый естественный элемент – *грёза* или *галлюцинация*. В галлюцинации природа *перестает* быть природой, в ней она *уклоняется* от самой себя. **Лишь тот, кто грезит, может быть субъектом**, то есть **тем, кто кладёт самого себя в основание причинно-действий**. Для этого решения нужна **воля**, а безвольным всегда волит случай. Иными словами, сегодня существует дилемма, в рамках которой либо **человек прекратит технический прогресс и сохранит себя** как органическое грезящее существо, либо **он сохранит технический прогресс в отношении самого себя и лишит себя грёз**, а землю – органики.

Вспомним, что *Декарт* в своё время уничтожил предложенное *Парменидом* западной философии тождество бытия и мышления. Он отделил *мысль* от *протяжённого*, и в результате получилась *проблема с критерием реальности*.

«Без фосфора нет мысли», - утверждают *новые материалисты*. Согласно им, в мире есть только *тела* и *силы*. Но *Гегель* противоречит этим заявлениям: «Дух есть то, что он сам из себя создаёт». Оба утверждения коренятся в нечётко проведённой Аристотелем границы между человеческим разумом и нечеловеческим. Со времён Аристотеля под *разумом* понималось то, что *говорит, мыслит, чувствует, рассуждает, воображает* – иными словами, разум мыслился и как сознание, и как интеллект. Поэтому сегодня нам нужно *исправить* эту серьёзную ошибку, чтобы **переопределить будущее философии**, а также **будущее человека в качестве уникального грезящего сознательного существа**.

ФИЛОСОФСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ
МГУ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА

teach-in
Л Е К Ц И И У Ч Е Н Ы Х М Г У